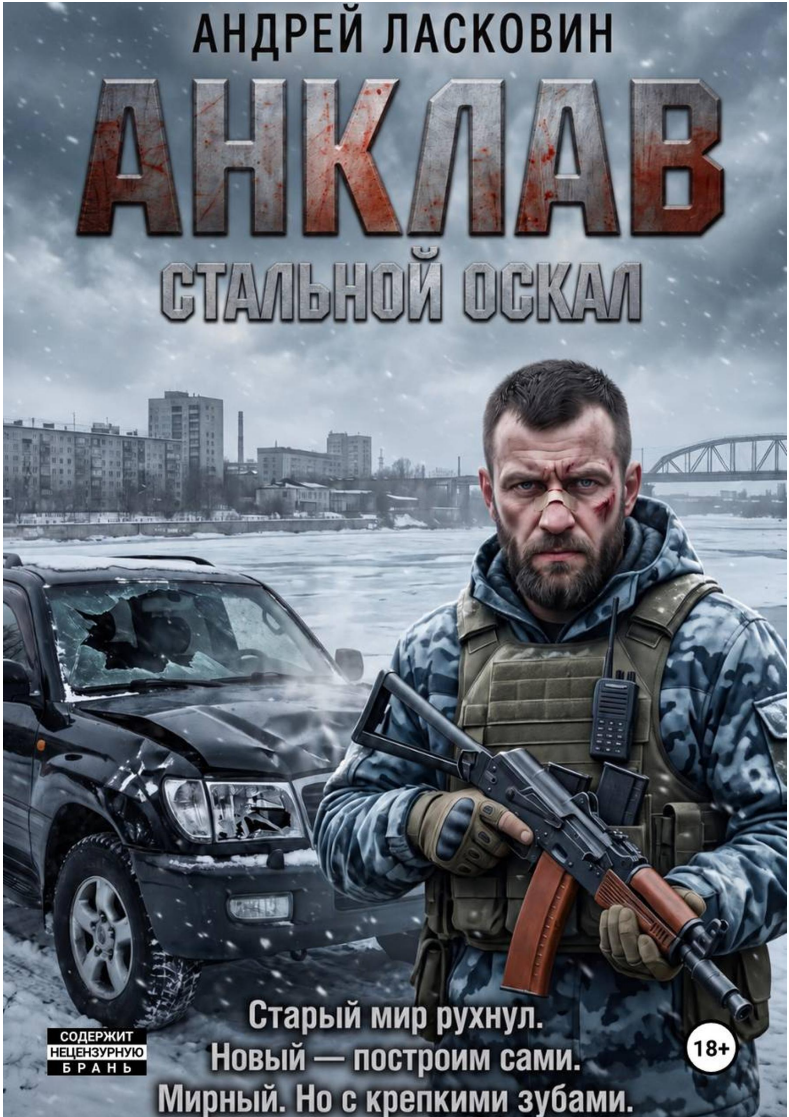
АНДРЕЙ ЛАСКОВИН
АНКЛАВ
СТАЛЬНОЙ ОСКАЛ
СОДЕРЖИТ НЕЦЕНЗУРНУЮ БРАНЬ
Старый мир рухнул.
Новый — построим сами.
Мирный. Но с крепкими зубами.
18+

Андрей Ласковин

АНКЛАВ. Стальной оскал

Серия «АНКЛАВ», книга 1

https://litres.ru/74778313
SelfPub; 2026

Аннотация

Внезапный и необъяснимый катаклизм в одночасье опустошает сибирский город-миллионник, оставляя после себя лишь мертвые многоэтажки, холод и волчьи законы выживания. Бывший заводской мастер Фёдор превращает пригородную дачную усадьбу в укрепленный «Анклав». Вокруг него собираются те, кто сумел уцелеть: контуженый инспектор ДПС Саня, хирург Татьяна, строитель Денис, старый профессор с университетской выправкой и беженцы, бегущие от голода и мародеров. Окруженная бетонными стенами община быстро обрастает автономным хозяйством, броней и оружием, становясь лакомым куском для окрестных хищников. Противостояние с жестокой бригадой полевого командира Хана перерастает в полномасштабную войну. Пережив кровавый штурм, потерю товарищей и предательство крота из собственных рядов, Анклав зажигает погребальную краду и утверждает беспощадный закон выживания. Но времени на скорбь нет. Еще многое нужно сделать.

Содержание

ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ И ДИСКЛЕЙМЕР 4
ГЛАВА 1 6
ГЛАВА 2 40
ГЛАВА 3 73
ГЛАВА 4 109
Конец ознакомительного фрагмента. 115

АНКЛАВ. Стальной оскал

ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ И ДИСКЛЕЙМЕР

Возрастное ограничение: 18+

Данное произведение является художественным вымыслом, созданным исключительно в развлекательных целях. Все персонажи, диалоги, события, организации и локации - плод авторского воображения либо творчески переосмыслены. Любые совпадения с реальными людьми (живущими или ушедшими), действительными событиями, позывными или географическими пунктами случайны и непреднамеренны.

Книга содержит подробные описания сцен вооруженных столкновений, физического насилия, травм, экстремальных боевых ситуаций, а также эпизоды курения табачной продукции и употребления крепких спиртных напитков. Текст может включать элементы грубой разговорной лексики, необходимой исключительно для достоверной передачи психологии персонажей в условиях катастрофы и борьбы за выживание.

Автор категорически не поддерживает, не оправдывает и не пропагандирует насилие в любых его проявлениях, экс-

тремизм, жестокость, а также употребление алкоголя, табака или иных веществ. Автор убежден, что здоровый образ жизни, созидательный труд и уважение к закону - безусловный приоритет, а описанные в книге модели поведения продиктованы исключительно законами жанра сурового постапокалипсиса.

Описанные в тексте тактические приемы, способы применения оружия, переделки транспортных средств, фортификации, рецептуры и медицинские манипуляции не являются пособием к действию или учебным материалом. Настоятельно не рекомендуется повторять действия героев в реальной жизни - они опасны для здоровья и влекут уголовную ответственность в соответствии с действующим законодательством.

Открывая эту книгу, читатель подтверждает, что достиг совершеннолетия, обладает устойчивой психикой и полностью осознает художественную специфику произведения. Читайте осознанно - и помните, что любой, даже самый захватывающий вымышленный мир всегда остается лишь предостережением.

ГЛАВА 1

Блин, как же болит башка!..

Это, пожалуй, самое мерзкое пробуждение за всю мою жизнь. Даже в юности, даже после самого жуткого - и редчайшего! - похмелья такого не было. А тут и похмелья-то в помине нет. Накануне всё было как обычно: пришёл с работы, поужинал, покрутил дела по дому, полазил в интернете… Всё. Душ принял - и спать.

Так откуда эта боль? Словно голову засунули в промышленные тиски и закрутили до упора.

И ещё этот проклятый свист-писк в ушах. Как будто древняя бормашина, которую сто лет не смазывали, решила вспомнить молодость прямо в моём черепе.

Выключить - невозможно.

Очень, скажу я вам, противные ощущения.

Кое-как, стиснув зубы до хруста, попытался встать с кровати.

И даже такое простое движение обернулось новым ударом боли - теперь уже не только в голове.

Стоило шевельнуться, как всё тело заныло, будто его целиком засунули в ледяную ванну, а потом заставили бежать марафон на ватных ногах. Ощущение, как будто отсидел одну ногу - и тут же встал на неё. Только вот так чувствова-

лось каждое ребро, каждый палец, каждая мышца. Триллионы иголок кололи изнутри, а сверху, для надёжности, кто-то прогнал по мне целый парк экскаваторов и бульдозеров - раз, другой, третий… задним ходом, вперёд, снова назад.

Осмотрел руки, пощупал бока. Синяков-то нет. Ни царапины. А внутри - будто после избиения.

Но, как ни крути, а вылезать из-под одеяла придётся.

Может, кого позвать на помощь? Вот только кого?

Живу один - с год как в разводе, даже кошки нет, не то, что собаки. Сестру? А смысл? Пока соберётся, пока доедет… Да и как объяснить, зачем ей мчаться сюда в субботу утром? «Привет, у меня башка трещит, и тело как после избиения» ?.. Соседи? Ха! Не дружу с ними - и не собираюсь. Да и дверь открывать кому-то - тоже не вариант.

Эх…

Глаза слезились, веки спросонья слиплись намертво, пришлось с силой продрать их пальцами.

Подняться с кровати вышло только с третьей попытки.

Шаг… второй… третий… Ну что ж, ноги шевелятся, руки работают, глаза видят - хоть и мутно, будто сквозь марлю. Но это уже хоть что-то. Значит, не всё совсем плохо. Хотя… если бы всё было в порядке, я бы сейчас не чувствовал, будто меня вчера пропустили через мясорубку задом наперёд.

Первым делом - аптечка.

Она у меня испокон веков валялась в тумбочке возле кровати. Выдвинул верхний ящик, заглянул: форменный вине-

грет. Засунул в рот всё, что под руку подвернулось: от анальгина до чего-то с просроченным сроком годности и неразборчивой надписью. Включая даже те таблетки, которые, по идее, должны были лечить что-то вроде «повышенной лохматости у хомяков».

Попытался протолкнуть на сухую - прилипли, заразы, к нёбу едкой горечью.

Будем надеяться, лишним не окажется - или хотя бы не убьёт.

Интересно, а вдруг это просто грипп какой-нибудь? Хотя… при гриппе хоть бы температура была. Или отравление? Но вчера ел то же, что и всегда - тушенку, гречку, чай. Нет, это не болезнь. Это… что-то другое. Только вот что?

Кое-как доковылял до санузла. По привычке щелкнул выключателем у косяка.

Щёлк.

Не понял! Вот ведь… а лампочка-то чего не горит?

Щёлк-щелк.

Неужели перегорела? Вкрутил же на днях новую - «с почти бесконечным сроком службы, да за такие деньги - почти даром!»

Ну и верь после этого рекламе и продавцам. Щёлкнул выключателем еще раз... второй, третий - темно, как в бочке. Вот же ж… Ладно, разберусь с лампочкой потом. А пока - привести себя в порядок, попить кофе и уже тогда как следует подумать, что за хрень творится.

Пошаркал впотьмах к раковине, ухватился за рычаг смесителя, крутанул до упора.

В ответ - ни звука.

Если с лампочкой ещё можно списать на брак или «вечный срок службы», то как объяснить, что из крана - ни капли?

Даже воздух в стояке не зашипел, зараза.

Опять авария? Да ладно, квартал-то новый, а коммуникации - будто со времён царя Гороха: водопровод хрипит, подстанция чихает, а провода свисают, как бабушкины шторы. Видимо, никто и не думал их менять - только налоги платить.

Ладно, хватит ныть. Надо было давно сваливать отсюда и брать дом за городом. Давно ведь мечтал - тишина, воздух, свой огород… А теперь вот сижу без воды, без света и без кофе.

Хотя… хоть с водой повезло: в углу коридора стоят три пятилитровки родниковой - на всякий пожарный.

Трясущимися руками скрутил пластиковую пробку с одной, припал ртом к горлу, смыл таблеточную дрянь, обливая майку. Полегчало, но самую малость.

А вот кофе… Чёрт.

Без электричества даже чайник не вскипятишь. Ни турки, ни гейзерной кофеварки - всё требует огня или розетки. А у меня - ни того, ни другого.

М-да… Вот так день начинается. Интересно, чем закончится?

А ведь ещё вчера я думал, что главная проблема сегодня - решить, брать ли выходной или смотаться на завод подзаработать лишнюю копеечку. Ладно, сейчас явно не до работы, с этой внезапной разрухой бы как-то разобраться...

Хочешь не хочешь, а надо хоть немного привести себя в порядок. Не сидеть же сычом посреди коридора.

Плевать, что света нет - побриться можно и на кухне, пристроив зеркальце прямо на подоконнике: там от хмурого неба хоть какой-то рассеянный свет падает. Побриться, пусть даже ледяной водой из пятилитровки. Главное - не превратиться в йети до обеда.

Стащил с батареи полотенце, намылил щеки остатками пены, поежился от обжигающего холода пластиковой бутыли. Станок тупо скреб кожу, оставляя красные полосы.

В карманном зеркале, как всегда, маячило моё родное лицо - то самое, что я вижу уже без малого тридцать лет: легкая жесткая щетина, лысина, уверенно расширяющая границы владений, и глаза… Вот глаза подкачали. В них стояла не привычная послесменная усталость, а какая-то дурная, воспаленная, чужая краснота. Ну не Аполлон, конечно, но и не горилла.

Как у Филатова: «Был Федот ни красавец, ни урод, ни румян, ни бледен, ни богат, ни беден. Ни в порче, ни в парше… а так, вообче».

Вот и я - «вообче». Ничем не приметный, серый, среднестатистический работяга, каких миллионы. Обычны завод-

ской инженер-механик. И в этой незаметности всегда была своя безопасность… или была до сегодняшнего утра?

Пока шкрябал бритвой по скулам и плескал в лицо холодной водой, писк в ушах почти стих. Голова всё ещё гудела, как пустой чайник на раскаленной плите, но мысли начали возвращаться - медленно, со скрипом, выстраиваясь в какую-то цепочку.

Что мы имеем на данный момент? Подведем баланс. Света нет. Воды нет. Что ещё?

Опустил руку вниз, под подоконник, и нащупал батарею.

Ну ё-моё… Ледяная!

Она была не просто остывшей - железо обжигало пальцы холодом, как стенка морозильника!

Что за херня творится?! Ладно, свет вырубило, авария на подстанции. Допустим, насосная водоканала из-за этого тоже встала. Но котельная-то при чём?! Центральная городская котельная пашет на газе, теплотрассы огромного диаметра так мгновенно остыть не могут! Зима в Сибири ещё в самом разгаре, за окном февраль, а в квартире температура уже ощутимо ползет вниз...

Паника попыталась поднять голову, но я жестко её придавил.

Спокойно. Дышим. Вдох - выдох. Сначала соберем информацию. Может, просто позвонить кому-нибудь? Сестре, например. Вдруг у неё на том конце города всё нормально, и это сугубо наш микрорайон раком поставили?

Сунул руку в карман штанов, достал смартфон. Экран услужливо вспыхнул, показывая время, но в верхнем правом углу вместо привычных делений антенны светилась сухая, издевательская строчка: «Нет сети». Перезагрузил. Тот же результат.

Пошел в коридор. У меня там на тумбочке стоял старый кнопочный стационарный телефон, подключенный к медной паре - держал его чисто по привычке, ради пожилой матери. Снял пластиковую трубку, прижал к уху.

Мёртвая, звенящая тишина.

Ни длинного гудка. Ни треска. Ни шипения помех на линии. Не то чтобы я рассчитывал услышать бодрый голос оператора… Но хоть какой-нибудь технический фон, наводку в кабеле, щелчки реле на АТС! А тут - абсолютный ноль. Глухой, безжизненный кусок пластика. Словно весь город разом, под корень, физически отрезали гигантскими ножницами от всех розеток, кабелей и подстанций.

Вот тут мне стало по-настоящему не по себе. В затылке снова нехорошо кольнуло. Даже матом ругаться сил не нашлось - пустота внутри образовалась.

Так… Ладно. И теперь главный вопрос: что дальше?

Пум-пурум… пум-пум…

Сидеть в четырех стенах этой стынущей бетонной коробки - форменная глупость. Без горячей воды, без нормального тепла и без связи я тут через сутки просто околею, превратившись в сосульку на собственном диване. Что остаётся?

Ага! Родственники же за городом - мама с отчимом.

После смерти бати отчим - золотой мужик, его же коллега по заводу - лет пять вокруг мамы круги нарезал, ухаживал, пока она наконец не сдалась. Перевез её в свой пригородный дом. А у него там не квартира - у него автономная усадьба, кирпичные стены, печь, дрова, скважина! Я там уже недели три или месяц не появлялся, всё заводы, смены, текучка дурная… Отличный повод навестить. Да и вдвоем с мужиком любую проблему расхлебывать проще. На том и порешил.

Сборы заняли пять минут. Натянул плотные рабочие штаны, застегнул теплую куртку под горло. Распихал по карманам документы, кредитки, ключи и прочую фигню типа жвачки я закрыл дверь и вышел во двор.

На улице было сыро, промозгло и ветрено. Обычный сибирский февраль без трескучего мороза, но воздух пробирал до костей. Снег лежал не свежий, а грязный, серый, рыхлый - будто кто-то старый пыльный ковер на асфальт вытряхнул.

Подошел к машине, счистил щеткой наледь со стекол, повернул ключ. Стартер крутанул бодро, мотор схватился, ровно заурчал. Слава богу, аккумулятор не подвел. Врубил печку на обдув - пусть греется.

Рука на автомате потянулась к магнитоле, пальцы ткнули кругляш громкости.

Динамики в дверях отозвались сухим, злым шипением. Белый шум. Плотный шорох помех.

Я нажал кнопку первой запрограммированной станции -

тишина и свист. Вторую. Третью. Перещелкнул диапазон на средние волны - глухо. Эфир был вычищен под ноль, словно все передатчики на телебашне выдернули из розетки разом.

— Да чтоб вас… — чертыхнулся я и переключил магнитолу на старую затертую флешку, торчащую в гнезде приборки.

Динамики хрипнули, и по салону привычно ударил плотный гитарный рифф - старый добрый русский рок. Хриплый голос Цоя из колонок спокойно выдал в стылое лобовое стекло: «Дом стоит, свет горит, из окна видна даль…»

Свет, ага. Как же. Ни света, ни тепла.

Я глянул через замерзшее стекло: спальный район стоял свинцово-серым, выстуженным, немым. Деревья голые, окна детского сада темные, стройка через дорогу замерла, парковка пустая.

И следом в башке почему-то всплыла дурацкая строчка из старого советского марша, который дед по праздникам горланил: «Утро красит нежным светом…»

Тьфу ты, прицепится же дрянь всякая! Какое утро, время к обеду катится. Да и красить тут нечего.

Всё выглядело абсолютно как всегда. Точь-в-точь как вчера или позавчера. За одним странным нюансом: во дворе не было видно ни души.

Ну, суббота же. Кто в законный выходной рано с постели подрывается? Народ отсыпается после трудовой недели, дело житейское.

Перед тем как вырулить со двора на трассу, решил заскочить за сигаретами. Пачка в кармане подходила к концу, а остаться без курева в такой нервный день - верный способ добить остатки спокойствия.

У самой дороги стоял наш местный павильончик - один из тех немногих уцелевших круглосуточных магазинов-ларьков, которые чудом не сожрали сетевые супермаркеты. Магазинчик культовый: тут не только сосиски и хлеб продают, но и все дворовые сплетни перетирают - кто развелся, кто напился, чья собака опять выла ночью. Бабушкам раздолье языками почесать, мужикам после смены заскочить по пути от остановки. Расположение идеальное - прямо на народной тропе к жилым домам.

Я толкнул пластиковую дверь.

Дзынь!

Пронзительно звякнул дверной колокольчик.

Внутри пахло выпечкой, дешевым растворимым кофе и копченой колбасой, но стоял полумрак - освещение тоже не работало. И за прилавком не было ни души.

— Хозяева! Есть кто живой? — крикнул я, шагнув внутрь.

Глухо. Заглянул за прилавок, окликнул темную подсобку. Тишина.

«А, ну понятно, — усмехнулся я про себя. — Наверное, сегодня дежурит та самая молодая девчонка, что вечно со своим парнем в кладовке милуется, пока покупателей нет».

Дело молодое, чего людям праздник портить и в чужую

каптерку с расспросами лезть? Мародерить или скандалить не хотелось, старые привычки нормального человека держали намертво.

Я достал из куртки кошелек, аккуратно отсчитал наличными ровно за две пачки моих привычных сигарет с фильтром и положил купюры на весы у кассы. Забрал с витрины курево, сунул в карман, вышел на сырое крыльцо и с наслаждением чиркнул зажигалкой.

Сделал глубокую затяжку, сел за руль прогретой машины и двинулся к выезду из города.

До «Сиротского посёлка», где обосновались мать с отчимом, ходу было всего ничего - километров семь по объездной трассе, от силы минут двадцать, если не вжимать педаль в пол.

Два перекрестка, три мертвых светофора.

Черные глазницы светофоров даже не мигали желтым. Ни регулировщиков, ни патрульных машин с мигалками. Ни встречных, ни попутных. Только брошенные кое-где у обочин легковушки с темными, запотевшими изнутри стеклами. Город словно затаил дыхание, превращаясь в декорацию к немому кино.

В салоне гудела печка, с шипением оттаивая нижнюю кромку лобового стекла. А из дверных колонок, сменяя Цоя, затертая флешка выдернула тяжелый, тягучий рифф «Алисы» - Кинчев наждачным, низким голосом тянул: *«Трасса Е-95…»*

«Какая к черту девяносто пятая, — криво усмехнулся я, сжимая жесткий руль пальцами. — Тут до своей родни семь километров, а ощущение - будто на тот свет по льду прорываешься».

Голос из магнитолы пел про дорогу домой, про ночные огни и заправки, а я смотрел вперед и видел только глухую свинцовую хмарь. И ведь странно: ни следов заноса, ни битых бамперов, ни суеты. Если авария на сетях - почему люди не высыпали на улицу? Где аварийки водоканала? Где хоть один треклятый автобус? В груди шевельнулось мерзкое, колючее предчувствие. От этой гнетущей мысли захотелось прибавить газу, но подвеска на разбитом асфальте глухо взвизгивала на каждой кочке, напоминая, что остаться сейчас без колеса - худшее, что можно придумать.

Это язвительное название наш пригородный аппендикс заработал еще в лихие девяностые, когда окрестную землю раздавали за гроши. Отчим у меня не из олигархов и не из кабинетных чинуш. Его батя всю жизнь отпахал на том самом заводе сельхозтехники, где сейчас крутил гайки я. И в свое время старик мощно отличился: то ли цех спас от пожара, то ли пятилетку перевыполнил в одиночку, то ли просто не бухал на рабочем месте, что по тем временам само по себе тянуло на подвиг. В общем, участок на холме ему выделили в числе первых счастливчиков. Отчим потом любил вспоминать с усмешкой, что среди этих первопроходцев-«сирот» оказался даже их школьный физрук - за какие-то баснослов-

ные заслуги перед профкомом.

Сегодня эти сотки ценились на вес золота: своя земля, тишина, огород… Сам поселок прятался за суходолом - глубокой пологой впадиной, которая летом исходила седой пылью, а по весне превращалась в непролазную топь. От широкой объездной трассы дома надежно отгораживала вековая лесополоса из берез и осин, высаженная еще при совке. Маскировка идеальная - с асфальта поселок не просматривался вовсе. Не зная поворота, проскочишь на скорости и не заметишь узкую грунтовку, карабкающуюся наверх, на возвышенность.

Когда-то здесь шумел филиал НИИ селекции. Пацаном я помню огромные теплицы, где выводили помидоры размером с два кулака и зимние яблоки, лежавшие в погребе до лета. В перестройку институт накрылся медным тазом, сады вырубили, а землю пустили под дачи. Так и возникла наша «Горка нищих». По документам - окраина поселка-спутника, по факту - обособленный остров площадью около семидесяти пяти гектаров.

Место для глухой обороны идеальное - сама природа позаботилась.

С запада - трасса за лесополосой, с востока - топкий суходол, с севера - извилистая речушка с обрывистыми глинистыми берегами, а с юга -глубоченный овраг, заросший таким плотным малинником и буреломом, что туда даже бродячие собаки носа не совали. Въехать на этот «остров» мож-

но было всего тремя путями: через главный съезд по грунтовки, по ветхому деревянному настилу у реки (если его не смыло в половодье) да по узкой тропе у оврага, которую знали только старожилы да пацанва.

Участок отчима стоял ровно посередине этого четырехугольника. Пятнадцать соток, которые мужик превращал в крепость добрых два десятка лет.

Половину земли занимали образцовые грядки, парники и кусты смородины. На второй половине возвышался добротный двухэтажный дом из красного кирпича с мансардой, рубленая банька, пара теплиц и безразмерный сарай - тот самый склад любого нормального хозяина, забитый старыми рамами, обрезками швеллеров, связками арматуры и ржавыми трубами и прочим хламом. Выкинуть который категорически нельзя: «а вдруг пригодится».

Дом отчим строил на совесть. Первый этаж - просторный гараж-мастерская со смотровой ямой, кухня и гостиная с настоящим дровяным камином. На втором этаже - три спальни и зал. Мансарду мужик целиком забрал под свой кабинет и «мужской клуб» - угол с диваном, старым телевизором и стратегическим запасом коньяка в баре.

Под домом прятался глубокий монолитный подвал. Мы со сводным братом оборудовали там спортзал: приволокли теннисный стол, шведскую стенку, наварили штанг из металлолома. Но по факту подвал остался хранилищем сотен банок с маминими соленьями и мешков с картошкой.

Ну и баня - венец нашей инженерной мысли. Когда отчим купил знатный сруб из зимнего леса, я сразу уперся: баня должна быть полностью автономной! Мы пробурили отдельную скважину, загнали глубинный насос, а на крышу водрузили перебранный мной на заводе ветряк с блоком аккумуляторов. Баня третий год исправно выдавала кипяток, свет и отличный пар независимо от капризов местных электросетей.

Вот к этому укрепрайону я и прорывался.

Флешка в магнитоле моргнула диодом, и по салону разлился гитарный перебор «Наутилуса» - «Скованные одной цепью». Бутусов чеканил слова сухо и монотонно. Я машинально убавил звук. Стало как-то не по себе. Песни про серые города и потерянных людей сейчас ложились на душу слишком уж в масть, царапая изнутри.

Колеса с хрустом съехали с асфальта и зашуршали по мерзлой колее грунтовки, поднимаясь на холм. Ветки придорожных осин хлестнули по правому борту.

И в этот момент к затихающей головной боли примешалось новое, гадкое чувство.

Тягучая, липкая смесь тревоги, страха и какой-то дикой, необъяснимой безысходности. Внутренний голос не просто скрипел - он орал как потерпевший: случилось что-то очень нехорошее. Вот прям нутром почуял, как волоски на загривке дыбом встали.

Я затормозил у ворот, заглушил мотор.

Тишина обрушилась на уши, едва заглох движок. Ни шелеста, ни шороха, только остывающий выпускной коллектор потрескивал под капотом. Массивная калитка была заперта. Дверь во двор - тоже наглухо закрыта. Окна дома глядели в хмурое небо темными, слепыми провалами. Время катилось к обеду, спать старики точно не могли. Мать по субботам с семи утра на ногах: пироги, уборка, хлопоты. Ушли куда-то? Но полноприводный паркетник отчима стоял на месте, припорошенный тонким слоем свежей снежной крупы!

Щёлкнул замок.

Ключ от дома у меня всегда болтался на связке в кармане куртки. Я провернул его в скважине на два оборота и налег плечом на тяжелое дубовое полотно входной двери.

— Ау! Кто в теремочке живет? — крикнул я с порога, пытаясь сбить подступающую дрожь дурацкой шуткой.

В ответ - лишь глухая, гулкая, давящая тишина. И отчетливый, ни с чем не сравнимый запах пустующего, остывающего дома.

Паника внутри нарастала, как снежная лавина в горах. Я быстро прошел по первому этажу: прихожая, холл, просторная гостиная.

Всё на своих привычных местах. Шкафы закрыты, на стареньком диване ровно лежит шерстяной плед, на журнальном столике стопкой сложены газеты недельной давности. Ни следов драки, ни разбросанных вещей, ни спешки. Словно хозяева вышли на минутку выбросить ведро и вот-вот

вернутся. Заглянул на кухню - идеальный, почти музейный мамин порядок…

Стоп! Глаза зацепились за темное пятно на полу возле гарнитура.

Под высоким двухкамерным холодильником и стоящим рядом отдельным морозильником на светлом линолеуме разлилась огромная, жирная лужа подтаявшей воды. Ледяной натек уже начал подсыхать по краям желтоватой пленкой.

— Да что за ёжики пушистые… — глухо пробормотал я, чувствуя, как внутри всё обрывается.

Ноги подкосились, и я тяжело осел на табуретку у кухонного стола. Протянул руку, коснулся белой металлической дверцы морозильной камеры. Теплая. Компрессоры намертво сдохли. Воздух в доме быстро остывал, сквозь щели тянуло сыростью и могильным, стылым духом.

И здесь то же самое! Электричества нет. Воды в кране, естественно, тоже.

«Спокойно, Федя. Думай головой, а не задницей. Складывай два плюс два», — попытался я одернуть сам себя, стукнув кулаком по колену.

Проснулся утром в своей квартире - творится непонятная чертовщина. Приехал сюда, за город, в надежду на укрытие - абсолютно та же картина маслом. Но самое жуткое стучало набатом в висках: за всё это время я не встретил ни одной живой души. АБСОЛЮТНО НИКОГО! Ни во дворе многоэтажки, ни в магазине у девчонки, ни на широкой загородной

трассе. Даже светофоры по дороге не мигали. Полноценный заброшенный мир.

Самое время было впасть в истерику, начать орать дурниной и крушить мебель от навалившегося бессилия. Но тупая, давящая боль в черепе парадоксальным образом сдерживала панику, как тугой чугунный обруч. Она мешала соображать, но и сорваться в крик не давала.

Не в силах больше находиться в давящих стенах пустой кухни, я толкнул заднюю дверь и вышел на деревянное крыльцо, выходящее во внутренний двор.

Холодный февральский воздух обжег легкие, но ясности в голове не прибавил.

Сел на мерзлые, некрашеные ступени. Пальцы дрожали так, что зажигалка чиркнула вхолостую раза три, прежде чем фитиль схватился. Затянулся горьким, смолистым дымом. Докурил до самого фильтра, обжигая пальцы, тут же от тлеющего бычка подпалил вторую сигарету. Потом третью… Пытался зацепиться хоть за одну логическую цепочку, но мысли разбегались, как тараканы от включенного фонаря.

В какой-то момент я с ужасом поймал себя на том, что сижу, уронив голову на колени, и тихонько, жалобно скулю сквозь зубы - точь-в-точь как потерявшийся, брошенный щенок на морозе. Казалось, грань между реальностью и психозом истончилась в ноль, и я просто медленно схожу с ума.

Стоп! Щенок… Собака…

До меня только сейчас доперло, наотмашь хлестнув по

нервам!

Ладно люди - люди могли организованно уехать, эвакуироваться, попрятаться… Но это же частный сектор! В «Горке нищих» чуть не в каждом дворе сидит по здоровенному алабаю, кавказцу или брехливой немецкой овчарке. По улицам стаями шныряли кошаки, на заборах горланили сороки, по карнизам возились воробьи. А сейчас вокруг стояла стеклянная, могильная тишина. Ни единого гавканья за забором! Ни жалобного мяуканья, ни шелеста перьев, ни возни в кустах.

Живность испарилась. Вообще вся. Подчистую.

И как это понимать, черт побери?!

Мозги плавились. На сон это не тянуло - слишком плотные, четкие ощущения: горчило во рту от табака, мерзли ляжки на досках крыльца, ныла шея. Чей-то розыгрыш? Масштабная провокация? Да ладно! Отрубить миллионный город со всей инфраструктурой, без единого выстрела и шума спрятать сотни тысяч людей вместе с дворовыми собаками и бродячими кошками ради дурной шутки? Бред, таких ресурсов нет ни у одной спецслужбы мира. Галлюцинации от боевой химии или наркотиков? Я в жизни ничего крепче водки не употреблял.

«Всё, хватит. Если сейчас не заглушить этот перегретый процессор - я просто разобью башку об кирпичную стену», — мелькнуло в голове.

Бросив окурок в снег, я вернулся в дом, тяжелым шагом

поднялся по скрипучей лестнице в мансарду отчима. Зашел в его «мужской клуб», открыл дверцу резного бара и вытащил первую попавшуюся пузатую бутылку хорошего дагестанского коньяка.

Спустился на кухню. Ни рюмки, ни стакана искать не стал. Свернул пробку и прямо из горла, крупными, обжигающими глотками влил в себя добрую половину. Крепкий сорокаградусный спирт упал в пустой, скрученный желудок тяжелым огненным комом. По жилам ударила дурная, вязкая вата, звуки ветра за окном смазались, веки потяжелели.

Я опустился на табурет, уронил гудящую голову на скрещенные руки прямо поверх кухонной клеенки - и провалился в темноту без сновидений.

Вспышка. Рывок. Глаза открылись.

Дикой утренней сверлящей боли в черепе уже не было. На ее место пришло привычное, свинцовое похмелье механика: сушняк во рту, тупая тяжесть в затылке и ломота в висках. Казалось, я провалялся в отключке целые сутки. Достал из кармана телефон, ткнул кнопку. Экран показал 15:20. Суббота. Тот же самый бесконечный день. Вырубился от силы часа на полтора.

Прислушался.

Всё та же гнетущая, давящая тишина. Только колючий ветер за окном завывал в кронах голых осин, швыряя в стекло горсти мерзлой снежной крупы.

Ну и? Что дальше делать-то будем?

Сорваться в город к сестре или к немногочисленным друзьям-товарищам? А вдруг они там сидят и чай пьют, пока я тут с ума схожу? Но здравый смысл механика тут же охладил пыл. Во мне булькает полбутылки коньяка. Шанс нарваться на патруль ГИБДД в мертвом городе хоть и стремится к нулю, но инстинкт самосохранения орал благим матом: останешься без прав и машины в такой заварухе - считай, труп. Да и ноги после утренней ломки и коньячного нокаута были словно чугунные тумбы. Далеко не уедешь.

Ладно, отставить город. Пройдусь по нашей линии, загляну к соседям по участкам. Может, хоть это прояснит картину или мозги в кучу соберет? На том и порешил.

Застегнул куртку, натянул шапку и вышел за калитку.

Первые три коттеджа на нашей улице стояли мертвыми монолитами.

Глухие заборы из профнастила, ворота заперты изнутри на тяжелые засовы. Я барабанил кулаком в калитки, орал в пустоту — ноль эмоций. Даже дворовые псы не залаяли в ответ на грохот. Темные окна смотрели слепо и равнодушно.

Свернул на соседнюю линию. Дошел до четвертого по счету кирпичного дома и замер. Кованая калитка была приоткрыта ветром, а тяжелая входная дверь дома распахнута настежь!

Сердце скакнуло к горлу.

— Эй! Есть кто живой?! — крикнул я с порога, шагнув в холодный темный коридор.

В ответ - только звенящий сквозняк.

Прошел на кухню коттеджа. На столе стояли недопитые чашки с засохшими разводами чая, тарелка с заветренным сыром. А на полу… На полу темнела та самая проклятая лужа под потекшим холодильником! Хозяева не уезжали в спешке, не хватали чемоданы - они просто исчезли в воздухе посреди обычного субботнего утра.

Я проверил еще два открытых дома ниже по склону. Везде один и тот же сценарий, от которого мороз драл по коже. Брошенная жизнь. Висящие на вешалках куртки, ключи на тумбочках, остывающие стены и черные экраны обесточенных телевизоров. Ни следов штурма, ни гильз, ни пятен крови, ни записок.

Человечество просто стерли ластиком.

Вывод? Да какой, к чертям собачьим, тут может быть вывод?! Происходит полная, абсолютная, невероятная херня, в которой я каким-то неведомым образом оказался и теперь здесь предстоит как-то выжить.

Желательно с минимальными потерями для собственной шкуры и рассудка. Вопросов - тьма тьмущая, а ответов нет вовсе.

Слов не осталось - одни злые, бессильные маты.

Обратно к дому отчима я ковылял уже в густых февральских сумерках, подсвечивая обледенелую колею тусклым фонариком на телефоне. Хмель выветрился окончательно, голова прояснилась, но гудящие от напряжения ноги недву-

смысленно давали понять: лимит прогулок по мертвому поселку на сегодня исчерпан под завязку.

Вместе с темнотой пришел собачий холод и дикий, волчий голод.

Организм, спалив остатки утренней гречки и коньячный угар, настойчиво требовал топлива. Возвращаться в город, в свою панельную вымерзшую коробку, не было никакого смысла. Здесь, на «Горке нищих», в основательном кирпичном доме отчима, переждать эту непонятную блокаду было в сотни раз надежнее. Ехать куда-то в ночь по обледенелой пустой трассе - чистой воды самоубийство.

Первым делом надо было оживить тепло. Я прошел в гостиную, выгреб из чугунной поленницы охапку сухих березовых поленьев, уложил их колодцем на колосники и подпалил клочок бересты.

Огонь весело, с треском загудел в дымоходе, по комнате поползло первое, спасительное тепло, а по темным кирпичным стенам заплясали длинные живые тени.

Затем устроил тотальную ревизию кухонных запасов. С провизией у матери всегда царил железный армейский порядок: в кладовой на полках ровными шеренгами стояли банки свиной тушенки, перловка с говядиной в жестянках, балтийская килька, минтай и бычки в томате. Плюс в подвале под смотровой ямой томились четыре мешка отборной картошки и сетки с луком. Голодная смерть мне в ближайшие недели точно не светила.

Я взял пол-литровую жестяную банку тушенки высшего сорта, вскрыл ее охотничьим ножом и пристроил греться на металлический край каминной полки. Открыл банку бычков, сбираясь есть прямо с ножа. Когда по гостиной поплыл тяжелый, густой мясной дух, я достал из бара вторую бутылку коньяка, плеснул на два пальца в чайную кружку и тяжело рухнул на диван перед пламенем.

Сидел, смотрел в огонь и думал.

Кто я вообще такой? Обыкновенный мужик, один из десятков миллионов. Морда серая, рабочая. Заводской механик, на заводе сельхозтехнике. Всю сознательную жизнь так или иначе, ковыряюсь в железках, перебираю коленвалы, мосты и гидравлику на комбайнах. Никакой не супермен, не ветеран секретных подразделений, из пистолета на двести метров мухе в глаз не попадаю. Да, армию оттрубил честно, в обычных мотострелках, уволился лейтенантом запаса благодаря вузовской военной кафедре. Стрелять умею - и из автомата, и из пистолета, даже гранату на полигоне бросал без дрожи в коленках. В тайгу за брусникой и на рыбалку ходил с ночевками, костер под моросящим дождем развести ума хватит. Но всё это не делает из меня крутого героя фантастических книжек про выживание.

И вот этот самый обычный человек сидит посреди вымершей округи, и вокруг - ни души.

«Эх, мать… — вздохнул я в темноту. — Надо было еще летом не лениться, а прокинуть нормальный кабель от вет-

ряка из бани в дом. Сейчас бы и свет горел, и чайник свистел».

Доедать остывающее мясо пришлось впотьмах - дрова прогорели до сизых углей. Ладно. Завтра. Завтра первым делом займусь проводкой, если морок не рассеется. А пока - спать. Сил не осталось совсем.

Проснулся я рано, едва серый рассвет тронул занавески.

Чуда не случилось. Мир остался таким же немым и пустым. Только вчерашняя серая хмарь ушла: небо над холмом расчистилось до хрустальной синевы, выглянуло яркое, холодное солнце, и в воздухе отчетливо запахло талым снегом и ранней весной. Но от этого контраста мороз по коже драл еще сильнее: солнце светит, а ни единая птица не щебечет, ни одна собака не лает, объездная трасса молчит, как убитая.

Я добежал до бани, умылся ледяной водой из крана - наш с отчимом ветряк и аккумуляторы отработали штатно, глубинный насос накачал воду без проблем. Набрал чайник, вышел к уличному мангалу. Развел щепки, вскипятил воду и заварил себе ядреный кофе.

Горячий напиток обжег пищевод и вычистил остатки тумана из мозгов. Хватит прятаться на даче. Вчера я не добрался до города, струсил, на коньяк налег. А там Аленка. Сестренка. Младшая. Как она там одна в этой бетонной коробке на пятом этаже без тепла и связи?

Сердце кольнуло острой, виноватой болью.

Я бросил кружку, прыгнул в свою машину и, взревев мо-

тором, вылетел на пустую загородную трассу.

Всю дорогу до города я крутил головой по сторонам, отчаянно цепляясь взглядом за любой намек на движение. Пусто. Город встретил меня той же мертвой, музейной тишиной. Многоэтажки стояли слепыми глазницами окон.

Во дворе у сестры деревья лениво, словно в густом киселе, покачивали ветками. Ветер неспешно волок по сухому асфальту разорванную коробку из-под обуви.

Я не стал глушить мотор - бросил машину посреди двора с распахнутой дверцей и взлетел по лестнице на пятый этаж, перепрыгивая через три ступеньки.

Вот она, ее площадка. Квартира сорок восемь. Коричневая металлическая дверь с каким-то финдибоберным узором.

Я занес кулак и со всей дури забарабанил по металлу замка:

— Аленка! Открывай! Это Федя! Алена!

Тишина.

Я прижался ухом к холодному металлу двери. Внутри квартиры не было даже шороха шагов.

— Аленка, не дури! Открой, я заберу тебя к матери за город! — орал я, колотя носком ботинка в нижний край двери.

Глухо.

Пальцы судорожно нашарили на косяке заветную щель за наличником, где они с мужем вечно прятали запасной ключ. Пальцы наткнулись на пустоту. Ключа не было.

Я ухватился за ручку и рванул ее вниз.

Заперто на два оборота надежного сейфового замка.

И тут взгляд зацепился за угол площадки у перил.

Там стоял низкий синий снегокат племянницы. Прислонен к шершавой побелке, веревка с пластиковой рукояткой небрежно намотана на руль. На мягкой сидушке из дерматина - въевшаяся царапина, которую я сам летом подклеивал черной изолентой.

Я подошел, опустился на корточки и провел онемевшей ладонью по ледяной металлической раме.

Перед глазами вспыхнуло: новогодние праздники, мороз под двадцать пять, мы на горке в городском парке. Мелкая в пухлом комбинезоне с разгона плюхается на сиденье, орет от восторга, а Аленка в заиндевевшей вязаной шапке толкает ее вниз, смеется, машет мне варежкой: «Федя, держи ее, она же сейчас в сугроб улетит!..»

Вспышка погасла. Сталь снегоката оставалась мертвой, чужой и остывшей. В подъезде пахло застарелым сквозняком и сырым бетоном.

— Алена-а-а!.. — взвыл я, сорвав голос в хрип, и с размаху впечатал кулак в перила лестницы.

Боль обожгла содранные костяшки, по пальцам потекла теплая кровь, но внутри было в сто раз больнее. Дверь стояла намертво.

Их не было. Не было ни в квартире, ни в подъезде, ни на этом чертовом этаже. Они ушли? Их забрали? Куда? Когда?!

Обезумев от ярости и липкого страха, я бросился к соседям по карману. Бил ногами в бронированную дверь слева, дергал ручку квартиры напротив:

— Эй, суки, ответьте! Хоть кто-нибудь живой есть здесь?!

Мертвый дом молчал. Мой собственный крик эхом метался по лестничным пролетам и затухал где-то на чердаке.

Я сполз спиной по стене прямо возле чужой двери, уперся лбом в разбитые окровавленные колени и зажмурился. Зубы стучали мелкой дрожью. Сестры нет. Маленькой девчонки, которая звонила мне каждую пятницу и пилила за то, что я плохо питаюсь и не ношу теплую шапку, больше не существовало в этом мире.

Надежда, говорят, подыхает последней. Моя сдохла прямо здесь, на грязном подъездном бетоне пятого этажа.

Кое-как поднялся, вытер кровь с ладони о штанину и побрел вниз.

Чисто по инерции, как заведенный робот, я потратил еще два часа: смотался на другой конец района к Сереге-сварщику, потом в гаражный кооператив к Пашке, моему давнишнему, еще институтскому приятелю.

Везде один и тот же хрен, только в профиль. Закрытые на глухие замки ворота, темные окна, остывшие печные трубы и мертвая, невыносимая пустота. Полное отсутствие какого-либо присутствия.

Да уж… И что прикажете делать дальше?

Думай, Федя! Думай, башка дурная!

Но соображать на пустой желудок не получалось вовсе. Внезапно подкативший дикий голод перехватил нутро тянущим спазмом, вытесняя мысли и требуя жрачки. Надо было выбираться из этой каменной могилы обратно на «Горку». Поесть горячего, заглушить эту сосущую пустоту внутри и уже на трезвую, сытую голову решать, как воевать с этим проклятым миром в одиночку.

Я повернул обратно к выезду из города. В салоне пахло остывшей печкой и безнадегой.

И тут на приборной панели предательски звякнул зуммер. Желтый значок бензоколонки вспыхнул прямо перед глазами, а бортовой компьютер равнодушно сообщил: запаса топлива осталось от силы на шестьдесят-семьдесят километров.

— Вот тебе раз… — вырвалось у меня в пустоту. — Я же буквально на днях полный бак заливал!

Куда ушел бензин - разбираться некогда. Может, датчик глюканул на морозе, может, на заводе пока в холостую тарахтела сжег. Но факт оставался фактом: пешком по сугробам далеко не ушагаешь, да и на горбу запасы таскать дураков нет. В книжках про выживальщиков авторы всегда сходились в одном: горючка — это основа всего. Нет топлива - ты привязан к одному углу, пока тебя не прихлопнет первый же буран или голод.

Как раз на самом выезде из города стояла большая сетевая АЗС с синей вывеской. Туда я и направил капот.

Но до заветных колонок не доехал метров триста.

Взгляд намертво зацепился за облезлую вывеску.

Там, чуть в низине, притаилась невзрачная газовая заправка. А прямо посреди ее бетонной площадки сиротела белая бортовая «ГАЗель». Кузов был забит под завязку: ровными рядами стояли тяжелые красные пятидесятилитровые баллоны с пропаном. Штук двадцать, не меньше!

Я ударил по тормозам.

В этот момент мой внутренний хомяк не просто проснулся - он встал на задние лапы и восторженно заорал дурным голосом! Оставить такое богатство пропадать у дороги? Преступление против здравого смысла! У отчима в доме стояла отличная импортная газовая плита, переведенная под баллоны, но старый баллон в шкафу у стены давно был на исходе. С этим грузом я смогу готовить нормальную человеческую жратву месяцами, не корячась в камине и не раздувая угли на уличном ветру у мангала!

Заглушил легковушку, выскочил наружу, запрыгнул в кабину грузовичка.

Ключи, естественно, торчали в замке зажигания. Водитель, судя по всему, испарился в воздухе прямо в момент заправки - заправочный пистолет так и остался воткнут в переходник на раме. Я выдернул пистолет, бросил его на асфальт, повернул ключ.

Движок чихнул, выбросил сизый клуб дыма и ровно заурчал. Отлично. Значит, сначала перегоняем этот стратегический газовоз в поселок, а потом разберемся с бензином.

Пригнав грузовичок к дому отчима, я загнал его прямо в просторный гараж, потеснив верстаки и ящики с крепежом. Не раздеваясь, затащил один тяжеленный баллон на кухню, скрутил заглушку, подсоединил редуктор к плите. Шланг встал как родной. Мыльной пеной проверил стык - не травит.

Чиркнул спичкой. Синее, ровное кольцо пламени охватило конфорку. Живое тепло!

Через десять минут я уже с урчанием, обжигая язык, уминал прямо со сковороды яичницу из пяти яиц с кусками копченой колбасы, закусывал хлебом и глушил свежесваренный, крутой кофе из красивой керамической кружки.

Горячая еда и кофеин упали в желудок - и мир перестал казаться безнадежной ямой.

Жизнь в автономном режиме начинала обретать конкретные рабочие очертания.

Покончив с обедом, я задумался: а легковушку-то как возвращать? Она осталась стоять на обочине у газовой заправки. Пешком топать почти семь километров по открытой трассе в промозглый ветер - увольте.

Выход лежал на поверхности. Зачем ломать ноги, если в гараже, вернее уже на улице около гаража, у отчима стоял отличный полноприводный паркетник с высоким клиренсом? Куда надежнее моей городской пузотерки для разбитых дорог! Где дед прячет запасной комплект ключей, я знал с точностью до сантиметра - в мастерской, на верхней полке за пыльными банками с солидолом. Зашел, протянул руку в ма-

зутную тьму, нащупал знакомый увесистый брелок. Куй железо, пока горячо!

Второй визит на большую АЗС обернулся шоком, от которого перехватило дух.

Сами колонки, ясное дело, молчали - насосы без трехфазного тока не хотят функционировать. Но я первым делом проверил технологические колодцы подземных резервуаров. Массивные чугунные крышки оказались не заперты на замки! А за главным зданием операторской, на дальней стоянке, ровной шеренгой стояли три тяжелых бензовоза-полуприцепа.

Я подошел ближе, вчитываясь в оранжевые таблички опасных грузов на бортах цистерн: два автомобиля везли девяносто второй бензин, один - зимнюю солярку. Залез по металлической лестнице наверх, сорвал пломбу, открутил барашек люка. Сунул мерную рейку.

Под горловину! Все три машины пришли под слив прямо перед катастрофой и стояли полные под завязку! По самым скромным прикидкам механика - сорок тонн чистого углеводородного золота каждая!

В этот момент здравый смысл робко пискнул: «Федя, остынь, куда тебе столько? Вокруг ни души, никто их не угонит, успеешь завтра-послезавтра на буксире утащить…»

Ага, щас, держи карман шире! А если завтра начнется пожар? А если мародеры появятся? Нет уж, что в руках - то мое.

Следующие шесть часов превратились в суровый, выматывающий жилы ад.

Ключи торчали во всех трех замках. Схема была убийственной: я заводил многотонную махину, осторожно, боясь завалить многотонную цистерну на обледенелой обочине, полз на пониженной передаче семь километров в поселок. Слава богу, сосед отчима успел сделать одну великую вещь - огородил свой пустой участок трехметровым сплошным забором из профнастила с широкими воротами. Вот туда, в эту глухую цитадель, я и загонял грузовики один за другим.

А назад к заправке возвращался на старом отчимовском дорожном велосипеде, который пришлось вытащить из сарая для такого дела.

Схема была убийственной: я привязывал велосипед к технологической площадке за кабиной грузовика, заводил многотонную махину и осторожно, боясь завалить цистерну на обледенелой обочине, полз на пониженной передаче семь километров в поселок. Загонял бензовоз за соседский забор, сдергивал с платформы свой верный двухколесный транспорт - и крутил педали обратно на заправку.

Семь километров в гору, против ветра, по снежной каше! Педали проворачивались со скрипом, ледяной воздух рвал легкие, пот заливал глаза под шапкой. К концу третьего рейса мышцы на ногах горели синим пламенем, колени не разгибались, а руки в матерчатых перчатках закоченели до бес-

чувствия.

Но когда ворота соседского забора со скрежетом захлопнулись на тяжелый засов, а сто двадцать тонн топлива оказались спрятаны от любых чужих глаз, меня накрыло дикой, злой гордостью

Пусть обе легковушки - моя городская колымага и паркетник отчима - так и брошены на заправке. Плевать! Вокруг теперь бесхозных машин тысячи, выбирай любую. Главное сделано: база обеспечена энергией на годы вперед.

Я вернулся в дом, когда за окнами стояла глухая, смоляная ночь.

Тело гудело свинцовой усталостью честно отпахавшего мужика. Желудок был сыт, в камине мерно потрескивали угли, газовая плита стояла наготове.

Немного досадно было, что на силовой кабель от бани сил сегодня уже не хватило. Но проводка никуда не убежит. Завтра с утра возьму инструмент, просверлю стену, брошу кабель и запитаю дом от ветряка.

Мало ли какие еще сюрпризы приготовит этот новый, пустой мир.

Вот завтра встанем и посмотрим…

ГЛАВА 2

Утро третьего дня началось не с паники, а с шипения раскаленного масла.

Я бросил на чугунную сковороду четыре толстых кругляша докторской колбасы, дождался, пока они вздуются румяными пузырями, и вбил сверху три яйца. Варить что-то существенное было просто лень, да и времени жалко.

Белок моментально схватился белой пеной, по кухне поплыл родной, мирный запах жареного мяса, если таковое в этой колбасе присутствовало. Но запах… запах был точно. В турке на соседней конфорке уже поднималась густая шапка молотой арабики.

Горячая яичница прямо со сковороды, обжигающий кофе. Сначала подкрепиться, а великие дела подождут минут двадцать.

За окном стоял всё тот же глухой, вымороженный понедельник. Ни карканья ворон, ни шума людей на улице, ни шороха шин по объездной дороге. Город и поселок за суходолом лежали на дне ледяного безмолвия. Но страх отступил. Когда желудок сыт, в камине потрескивают сухие березовые полешки, а за соседским забором заперто несколько десятков тонн бензина и солярки - человек начинает приспосабливатся ко всему. Даже к концу света.

Ополоснув посуду водой из пятилитровки, я полез в подвал за инструментом. План на первую половину дня был прост, как гаечный ключ на девятнадцать: подать свет в дом.

Но первая же примерка показала жирный кукиш.

Моего запаса трехжильного провода хватило ровно на то, чтобы завести магистраль от бани через просверленный оконный блок в гараж-мастерскую. Всё. Дальше по комнатам разводку делать было нечем - на полу сиротливо валялись три жалких огрызка по полтора метра.

Хуже того: врезаться напрямую в существующую домашнюю электросеть было категорически нельзя. Аккумуляторный блок в бане, который заряжал ветряк, выдавал постоянные двадцать четыре вольта. А холодильнику, микроволновке и розеткам под чайник требовались нормальные двести двадцать переменки. Мощного инвертора у отчима отродясь не водилось - баня строилась под низковольтные светодиоды и простой насос. Вруби я такую «постоянку» в щиток - погорели бы к чертям собачьим все блоки питания и компрессоры.

Ковырять стены и выдирать скрытую проводку из собственного жилья? Исключено. Нечего гадить там, где собираешься пустить корни. Пойти потрошить пустые дома соседей по «Горке»? Тоже дрянь идея. Во-первых, чужие дома целыми куда полезнее, а во-вторых - мародерить под носом у исчезнувших соседей, хотя и мало знакомых, было как-то тошно. Совесть, конечно, за эти двое суток пообтерлась, но

не до такой же степени.

Оставался поселок-спутник. Там, на выезде к шоссе, аккурат возле автобусного кольца, стоял добротный ангар магазина «Стройматериалы и крепеж». Хозяин там держал всё: от саморезов-«семечек» до бетономешалок и станков.

Я натянул рабочую куртку, сунул за пояс увесистую кованую монтировку и запрыгнул в кабину трофейной «ГАЗели».

Ворота строймага сдались со второго удара. Жало монтировки вошло в стык между створками, захрустели каленые саморезы, и накладной замок с сухим металлическим щелчком вылетел из рамы.

Внутри стоял густой, родной дух олифы, свежей сосновой стружки и резины. Свидетелей нет, камер нет, электричества нет.

«Считай, взял в беспроцентный кредит до лучших времен», — буркнул я, выкатывая к распахнутым дверям две тяжелые деревянные катушки медного кабеля разного сечения.

Следом в кузов полетели коробки с розетками, пакеты с клеммниками, выключатели, мотки изоленты и пара диодных прожекторов.

Но главным кладом оказались не провода. В дальнем углу торгового зала, на деревянных поддонах, сверкали свежей синей эмалью три новеньких дизель-генератора киловатт по пять каждый. В заводской консервации, с электростартера-

ми!

Рвать пуп и закидывать стокилограммовые чугунные туши руками через борт я не дурак - позвоночник новый в постапокалипсисе не выдадут.

На складе быстро нашлась гидравлическая тележка-рохля и две пятидесятые доски. Сколотил из них сходни, зацепил за фаркоп ручную рычажную лебедку и под мерный хруст храповика, метр за метром, плавно затянул все три генератора в кузов.

К полудню я уже вернулся в усадьбу.

Сгрузил один агрегат под навес у гаража, залил зимней солярки из канистры, крутанул ключ стартера. Генератор кашлянул сизым дымком, набрал обороты и заурчал ровным, сытым басом. Через пять минут в дом по временной схеме вошли чистые двести двадцать вольт.

На кухне радостно щелкнуло реле, и большой холодильник впервые за двое суток утробно, с облегчением зажужжал компрессором.

Вопрос с базой и холодом был закрыт. Теперь оставалось главное - набить этот холодильник под самую завязку, пока в магазинах окончательно всё не сгнило.

Вторую половину дня я твердо решил посвятить продовольствию.

Пока урчащий компрессором холодильник нагонял мороз на пустые полки, в голове стучала простая, циничная мысль: жратву надо забирать сейчас. Не завтра, не через неделю.

Прямо сегодня. Зима не вечная, оттепель придет быстро, а без электричества тонны охлажденного мяса, колбас и сыров превратятся в смердящее месиво за считанные дни. Добавь сюда неизбежную сырость, бактерии, плесень - и к весне все эти склады превратятся в ядовитую жижу. Да и кто даст гарантию, что в округе не бродит еще пара таких же запасливых «хомяков»? Если мародерить - то масштабно и без сопливой рефлексии и угрызений совести.

Эх… По-хорошему, завалиться бы сейчас на продавленный диван у камина с потрепанным томиком какого-либо интересного чтива, вдыхать запах книжной пыли и делать вид, что ничего не произошло. Но время для чтения, похоже, закончилось в прошлую субботу.

Целью номер один стал главный магазин нашего поселка с громким названием «Ивушка». Гордое слово «Супермаркет» на его фасаде из выцветшего желтого профлиста выглядело откровенной насмешкой. Обычный кирпичный универмаг советской постройки, на скорую руку переделанный под самообслуживание: просторный торговый зал, пыльные стеллажи и закуток со служебным пандусом на задворках. Стоял он обособленно, на краю березовой аллеи, аккурат между заколоченным деревянным ДК и жилыми двухэтажками.

Ветер шуршал по сухому мерзлому асфальту оторванным куском рубероида. В этой немой тишине каждый шорох бил по ушам, заставляя судорожно оглядываться и вжимать го-

лову в плечи.

Я подошел к парадному входу и уперся в глухую стену.

Тяжелые темно-красные рольставни перекрывали панорамные витрины и входную группу до самого порога. Ни замка снаружи, ни ручки - всё завязано на внутренний электропривод. Я попытался поддеть нижний край кованым жалом монтировки, навалился весом, уперся сапогом в гранитную ступень. Металл скрипнул, жало соскользнуло, выбив фонтанчик ледяной крошки. Ламели сидели в направляющих пазах намертво.

— Да чтоб вас с вашим евроремонтом… — сплюнул я в сугроб.

Рвать рольставни тросом «ГАЗели» не рискнул - выверну с мясом коробку, заклинит к чертям, да и грохоту на всю округу наделаю. Аккумуляторную «болгарку» я сдуру не прихватил.

Ладно, зайдем с тыла. Служебные входы на таких базах всегда делали попроще - железо потоньше, петли пожиже, замки попроще.

Я запрыгнул в кабину грузовичка, свернул за угол кирпичного корпуса и нажал на тормоз.

Въезд во внутренний двор магазина перегораживала патрульная машина.

Белый «жигуленок» четырнадцатой модели стоял боком, криво уткнувшись передом в мусорные баки. На бортах - синяя полоса, герб и жирная надпись: «Вневедомственная

охрана». Переднее левое колесо было спущено до самого обода, а водительская дверь распахнута настежь.

Я заглушил мотор «ГАЗели». В наступившей тишине громко защелкал остывающий глушитель.

Хм… А эти-то что тут забыли? Патруль Росгвардии посреди поселковой тишины? Неужели в субботу утром, когда город накрыло мороком, кто-то успел полезть в кассу, продавщицы ткнули тревожную кнопку, и наряд влетел во двор по вызову? Если так - где экипаж? Где продавщицы?

Я подошел ближе. Водительская дверь колыхалась на легком сквозняке. На белом пороге темнела мерзлая цепочка грязи, а на сером велюре сиденья валялась сбитая форменная кепка.

И темные, круглые, почти черные капли на обшивке рычага коробки передач. Засохшая кровь.

Холодок пробежал по затылку. Я шагнул к распахнутой водительской двери, и заглянул вглубь выстуженного салона.

Взгляд сразу скользнул назад. Там, на заднем сиденье, среди всякого непонятного хлама, валялись два коротких черных автомата со складными прикладами и два тяжелых бронежилета темного сукна.

«Ксюхи». АКС-74У. Штатное оружие групп задержания.

Меня словно током шибануло. Волоски на шее встали дыбом. Мужики в погонах с оружием не расстаются ни при каких раскладах. В уставных частях за утерю ствола отправляют под трибунал, на дежурстве с автоматом ходят даже до

ветру. А тут - брошенная патрулька, пробитое колесо, кровь на пластике и два боевых ствола на сидушке!

Куда делись двое здоровых, вооруженных мужиков? Испарились, как все? Или их выволокли оттуда силой?

«Вот тебе и ружье на стене из первого акта, Федя. Получите — распишитесь», — глухо пронеслось в голове.

Стоять и гадать было некогда. Решение требовалось здесь и сейчас. Оставить стволы в незапертой машине? Верх тупости. А если, вдруг, по поселку бродит кто-то чужой, эти автоматы достанутся ему. И если завтра этот «кто-то» выйдет ко мне на встречу - он будет разговаривать не через калитку, а очередями в упор. Коль пошла такая пьянка - режь последний огурец!

Я перегнулся через водительское сиденье, нащупал на задней двери пластиковый «солдатик» блокиратора и потянул его вверх. Щелк.

Обошел машину, потянул наружную ручку и распахнул заднюю дверь. Салон пах холодным велюром, дешевым табаком и застарелым оружейным маслом.

Я вытащил оба автомата за брезентовые ремни. Тяжелые, компактные, ледяные. Затворы передернулись с мягким, породистым металлическим лязгом - патронники пусты, предохранители на месте. Пристегнутые «рожки» были снаряжены под завязку армейскими патронами пять сорок пять.

Один бронежилет я сразу напялил под расстегнутую ра-

бочую куртку. Тяжелые бронепластины привычно прижали грудь и ребра, вернув давно забытое армейское чувство защищенности. Вторую «броню» вместе с запасным автоматом забросил в кабину «ГАЗели», а рабочую «Ксюху» привычным движением лейтенанта запаса закинул на правое плечо стволом вниз.

Пошарил по бардачку и нишам дверей жигуленка. Пусто: пачка леденцов, смятая пачка «Петра», стопка чистых протоколов да фонарик с севшими батарейками. Ни запасных подсумков, ни рожков.

— Ладно, жадничать не будем, и на том спасибо, — пробормотал я.

Уперся плечом в холодную крышку багажника «четырнадцатой». Мышцы заныли, но на спущенном колесе машина со скрипом подалась в сторону, освобождая узкий проезд прямо к бетонной рампе служебного входа.

Основную цель визита никто не отменял.

Стрелять по навесному замку из автомата, как в голливудских боевиках, я даже не думал - грохот в морозном воздухе раскатится на пять километров вокруг. Зачем привлекать внимание тех, кто, возможно, пустил кровь ментам в этой легковушке?

Вставил монтажку под ригель железной служебной двери, навалился всем весом, помогая коленом. Деревянный притвор сухо хрустнул, саморезы с мясом вылетели из разбухшего косяка, и дверь протяжно заскрипела на петлях.

Плюс еще одна уголовная статья в мой свежий послужной список. За последние три дня я наворотил столько, сколько за всю прошлую правильную жизнь не снилось.

Но совесть молчала. Внутри звенела только холодная, расчетливая собранность.

Я шагнул в темную пасть разгрузочного склада.

Внутри складских помещений «Ивушки» стоял плотный, кислый полумрак и запах промороженного картона.

Я защелкнул автоматный ремень на груди так, чтобы ствол «Ксюхи» висел под правой рукой, и принялся за работу. Времени до темноты оставалось всего ничего.

Работал методично, как на заводском конвейере: хватал только то, что может лежать годами.

Ряды ящиков со свиной и говяжьей тушенкой ГОСТ, консервированная сайра, балтийские шпроты, сгущенка с синими этикетками, мешки с гречкой, рисом и макаронами твердых сортов. Мимо полок со скоропортящейся молочкой и заплесневелым хлебом прошел не задерживаясь. К кассовым аппаратам в зале даже не притронулся - цветная бумага с гербами теперь годилась разве что на растопку камина, да и то дымила едкой типографской дрянью.

Я выволок на рампу очередную партию - тяжелую деревянную коробку с банками концентрированного молока, закинул ее через задний борт и шагнул обратно в проем склада...

Резкий, жесткий рывок снизу намертво перехватил пра-

вую штанину чуть ниже колена!

Сердце скакнуло в горло так, что в глазах потемнело!

Тело сработало раньше, чем мозг успел сообразить. Армейский рефлекс: я крутанулся на пятке, сорвал автомат с плеча, большим пальцем щелкнул флажок предохранителя вниз и вскинул ствол на уровень груди нападающего, готовый вжать спуск до упора!

— Твою ж дивизию!.. — выдохнул я хриплым, сорванным шепотом, замирая с пальцем на спусковом крючке.

В двух шагах от меня на холодном бетонном полу сидел пес.

Обыкновенный здоровый двортерьер - угольно-черный, гладкошерстный, с крупной лобастой головой и забавно заломленными вислыми ушами. Он не скалился, не рычал. Он просто сидел, прижав уши, и смотрел мне прямо в глаза снизу вверх с такой немой, отчаянной человеческой надеждой, что у меня перехватило дыхание. А из его раскрытой пасти толчками вырывалось густое, теплое облачко пара.

Живой. Настоящий. Тёплый.

Руки мелко задрожали. Я медленно поставил автомат обратно на предохранитель и опустил ствол к полу.

— Ты… ты откуда тут взялся, чудо в перьях? — тихо, боясь спугнуть наваждение, спросил я. — Как тебя сюда занесло-то?..

Пес уловил спокойную интонацию. Он медленно опустил тяжелую голову на вытянутые передние лапы, зажмурился и

тихонько, жалобно заскулил, словно жалуясь на всё то, что ему пришлось пережить в этой темной ледяной коробке.

— Ну и что мне с тобой делать, горе луковое? — вздохнул я. — С собой забирать, что ли?

Слово «с собой» подействовало как электрический разряд! Кобель моментально подорвался на все четыре лапы, звонко, на весь гулкий ангар гавкнул и закрутил хвостом с такой скоростью, что поднял легкую пыль с пола!

Оставить его здесь подыхать в темноте от голода я бы не смог, даже если б очень захотел.

Я шагнул к кузову «ГАЗели», нащупал в одной из коробок вакуумную упаковку сервелата, смахнул пленку ногтем и протянул собаке:

— Жрать-то хочешь, бродяга?

Он подошел осторожно, не сводя с меня преданных карих глаз, и аккуратно, почти благоговейно взял кусок прямо с ладони. Заглотил не жуя.

Я опустился на корточки и провел ладонью по его загривку. Шерсть была жесткой, пыльной, под пальцами отчетливо чувствовалась мелкая, непрерывная дрожь - пса колотило от застарелого ужаса и холода.

— Ну тихо, тихо… Всё, отбоялся. Призрак ты мой без оперы… Приведение без мотора… Фантом…

Услышав слово «Фантом», кобель вдруг оторвался от вылизывания пальцев, навострил вислые уши и коротко вильнул задом.

— Нравится? Значит, будешь Фантомом. Или Фантиком, когда пакостить перестанешь. По рукам?

Пес коротко, утвердительно тявкнул.

Стоило мне распахнуть пассажирскую дверь «ГАЗели», как он пулей влетел в кабину и с идеальной армейской выправкой плюхнулся на сиденье - видимо, прежний хозяин часто катал его в машине.

Домой, на «Горку нищих», мы возвращались уже вдвоем. На душе впервые за трое суток стало по-настоящему тепло. В салоне тихонько шуршала радиола, за окнами сгущались синие сумерки, а рядом сопел живой, преданный напарник.

Разгрузка заняла добрых три часа.

Под продуктовый арсенал я пустил недостроенный спортзал в подвале усадьбы отчима. Консервы, крупы, сахар и мешки с солью ровными рядами встали на наспех сколоченные деревянные стеллажи. Фантик все это время не отходил от меня ни на шаг. Путался под ногами, жался к сапогам, дважды заработал отдаленный хвост и едва не был придавлен мешком с пшеном - но отступить на метр категорически отказывался, панически боясь, что я растворюсь в воздухе, как его прежние хозяева.

Ужинали мы уже в полной темноте, но при ярком, уверенном свете переноски, выведенной от генератора на деревянное крыльцо. Ветер окончательно стих, в морозном воздухе пахло близкой оттепелью.

Я подвинул псу миску с тушенкой, отломил себе кусок

хлеба и посмотрел в темноту сада:

— Ну что, напарник? Прорвемся?

Фантик звонко хрустнул хрящом, довольно облизнулся и положил тяжелую морду мне на колено.

Завтра предстояло много работы.

Следующий день начался с мокрого шершавого языка, который без всякой субординации методично полировал мое ухо.

Я открыл глаза. Над диваном нависала черная вислоухая морда, а хвост-пропеллер с глухим стуком колотил по деревянной ножке стола: тук-тук-тук!

— Всё, отставить полировку, подъем засчитан, — прохрипел я, отстраняя пса ладонью.

Фантик радостно тявкнул, крутанулся волчком и поскакал к входной двери, на ходу напоминая, что собачьи дела по расписанию никто не отменял.

После дежурной порции гречки с тушенкой и кружки кипятка мы вышли во двор. План на этот день был приземленным до скрипа зубов: переоборудовать старый отчимовский сарай под нормальный стратегический склад инструмента и метизов.

Сам сарай представлял собой монументальное сооружение из шпал и горбыля, куда хозяин годами складировал всё то, что выбросить не поднималась рука. Заглянув внутрь, я присвистнул. Авгиевы конюшни советского масштаба: колотый силикатный кирпич, стопки трухлявых досок с гнутыми

ржавыми гвоздями, связки прелого рубероида, мотки колючей проволоки и горы замасленной ветоши.

«Работы тут - до второго пришествия», — подумал я, натягивая плотные кожаные перчатки.

И работа закипела. Фантик воспринял операцию как личный боевой пост. Стоило мне выволочь на улицу гнилую дверную коробку, как пес с рычанием вцеплялся в противоположный край, упирался всеми четырьмя лапами в снег и помогал тянуть, шумно сопя носом. Когда я выгребал старые ржавые ведра, кобель с лаем наскакивал на каждое, проверяя, не затаилась ли внутри какая-нибудь мышь. Мешался он, конечно, безбожно, но с его кипучей энергией морозное безмолвие усадьбы больше не казалось склепом.

Хлам мы таскали на край оврага. Деревянную гниль складывали в кучу на растопку, колотый кирпич и битый шифер ссыпали в промоину у калитки.

Освободив тридцать квадратных метров пространства, я подогнал к сараю «ГАЗель» и сгрузил вчерашний трофей со стройбазы - сборные металлические стеллажи из толстого перфорированного уголка. Вот тут слесарная душа развернулась по полной!

Шуруповерт с визгом загонял каленые болты в пазы. Стойки вставали по уровню, намертво связываясь перемычками. Фантик с важным видом уселся прямо у входа на куче сухих опилок, положив морду на мои запасные перчатки, и бдительно стриг ушами в сторону калитки. Любой шорох ве-

ток на ветру заставлял его глухо ворчать. Охрана периметра работала без сбоев.

К обеду полки преобразились. На нижний ярус встали тяжелые коробки с гвоздями, анкерами и саморезами по металлу. На среднем ряду ровными шеренгами выстроились ножовки по дереву, лобзики, наборы рожковых ключей, напильники и топоры. Наверх ушли мотки новенького медного кабеля, пачки электродов и банки с краской. Красота. Заводской порядок. Случись что ночью - протянул руку в темноте и сразу нащупал нужную железяку.

Но за эту стахановскую гонку пришлось расплачиваться.

Пока таскал чугунные швеллеры и рубил заклинившие петли, взмок до нитки. На дворе хоть и веяло близкой оттепелью, но сибирский февраль шуток не прощает. Шапку сбросил, бушлат расстегнул настежь, пар от мокрой термоухи валил столбом. А коварный промозглый сквозняк из дверного проема методично делал свое черное дело.

К сумеркам, когда мы заперли сарай на амбарный замок, меня начало откровенно колотить.

В горле саднило так, будто туда насыпали битого стекла. Колени заломило мерзкой, свинцовой слабостью. Наскоро покормив пса и дотащившись до кухни, я прислонился лбом к оконному стеклу - стекло показалось обжигающе ледяным, а лоб пылал. Температура. Градусника в доме не нашлось, но по ощущениям - под тридцать восемь, не меньше

Я свернулся калачиком на диване у камина, натянув по-

верх куртки два шерстяных пледа. Фантик тут же пристроился в ногах, прижавшись горячим плотным боком, работая живой грелкой. Всю ночь меня бросало то в ледяной озноб, то в липкий удушливый пот.

Утро пятого дня, принесло жесткое понимание: расклеиваться нельзя.

В пустом мире заболеть всерьез, поймать воспаление легких — это верная смерть. «Скорая» с мигалками не прилетит, участковый терапевт рецепт на антибиотики не выпишет. Из домашних лекарств в тумбочке нашлись только старый парацетамол да сухие таблетки от кашля со сроком годности времен палеолита.

Плюс вылезла вторая головная боль: ветряк на бане в безветренные утренние часы едва тянул зарядку аккумуляторов. Ждать у моря погоды и жечь драгоценную солярку на дизель-генератор сутками - тупик. Нужно срочно собирать второй ветрогенератор. А для него на базе отчима не хватало главного: мощного генератора ампер на сто двадцать, шкивов и пары клиновых ремней.

В поселковых ларьках этого добра не найти. Значит - только Город.

Придется снова седлать верную полуторку. Моя легковая колымага вместе с кроссовером отчима так и куковали брошенными на той заправке у въезда, но гнать порожняком бензовоз ради их эвакуации было откровенной глупостью. «ГАЗель», конечно, жрала побольше бензина и на разбитых

улицах ворочалась как неповоротливый тюлень, зато в ее бортовой кузов можно было загрузить хоть целый разобранный комбайн.

Я подошел к кабине, открыл тяжелую дверь.

Стоило мне взяться за ручку, как Фантик вихрем влетел на пассажирское сиденье!

— Место! Дома сиди, сторожи! — попытался я скомандовать строго.

Кобель вжал голову в плечи, глухо заворчал, оскалил белые клыки и намертво вцепился когтями в тканевую обшивку. В глазах стоял неприкрытый первобытный ужас: «Не бросай меня!»

— Ладно, чёрт с тобой, поехали. Вдвоем веселее, — махнул я рукой, падая за руль.

До объездной трассы долетели ровно. Мотор «ГАЗелки» мягко шелестел, колеса уверенно держали дороги. Но стоило нам только выехать на широкий городской проспект, как поведение собаки изменилось на сто восемьдесят градусов.

Фантика словно подменили.

Он соскочил с сиденья, заметался по салону. Сначала попытался лапами влезть на торпеду, наглухо закрывая лобовое стекло. Потом начал судорожно царапать пластик пассажирской двери, скуля тонко и надсадно.

— Да уймись ты! Фантик, фу! — я грубо отпихнул его локтем, выравнивая вильнувшую машину.

Пес окрысился, щелкнул зубами в воздухе в сантиметре от

моей щеки и зашелся диким, надрывным лаем, глядя куда-то вправо.

Впереди, за полосой чахлых тополей, показалась колоссальная коробка гипермаркета «Мега-Сити» с громадной вывеской на плоской крыше.

Кобель буквально взбесился: он с разбегу ударил мордой в боковое стекло, оставляя кровавые слюни на стекле.

«Что-то там не то. Очень сильно не то», — полоснула по нервам вспышка тревоги.

Я сбросил скорость, прижал машину к обледенелому бордюру метрах в пятидесяти от въезда на стоянку и распахнул пассажирскую дверь.

Фантик черной молнией вылетел наружу и, не разбирая дороги, с хриплым, захлебывающимся лаем рванул через сугробы к служебному крылу торгового центра.

Оставить его я не мог. Я переключения ручку коробки передач, положил ладонь на лежащую на соседнем кресле «Ксюху» и медленно покатил следом за псом...

«ГАЗель» катилась за псом на первой передаче, моя левая рука придерживала руль, а правая намертво вцепилась в рифленую рукоять «Ксюхи». Палец сам собой лег вдоль ствольной коробки, прямо над переводчиком огня.

Огромная асфальтовая пустошь перед торговым центром «Мега-Сити» была вылизана до блеска - коммунальщики вычистили снег еще до той проклятой субботы. Ни сугробов, ни брошенных тележек, ни встречных машин. Только мерт-

вый серый плац.

Фантик вылетел из-за глухого угла разгрузочного пандуса и зашелся таким яростным, захлебывающимся лаем, от которого зазвенело в ушах.

Я вывернул руль, ударил по тормозам и выскочил из кабины «ГАЗели», даже не заглушив мотор. Предохранитель автомата щелкнул вниз на одиночный огонь.

Посреди чистого, сухого серого асфальта темнело огромное багровое пятно.

В центре этой застывающей липкой жижи ничком, подогнув под себя правую руку, лежал человек. Без шапки. Без движения.

Фантик метался вокруг неподвижного тела, вскидывал морду к затянутому свинцом небу и выл на одной тонкой, звенящей ноте. Он не подходил вплотную - боялся крови, но и бросить раненого не мог.

Ствол автомата описал дугу по темным провалам витрин второго этажа, по вентиляционным коробам на крыше. Пусто. Ветер только шуршал оторванным баннером: «Скидки до 70%».

Я подбежал, упал на одно колено прямо в мерзлую кашу на краю багровой лужи. Бросил автомат на ремне через плечо, сорвал перчатки.

Два пальца - на сонную артерию под челюстью.

Кожа ледяная, шершавая от мороза. Секунда… вторая… Толчок. Слабый, частый, сбивающийся, но живой!

— Живой, твою мать… — выдохнул я с облегчением, чувствуя, как собственное сердце ухает в пятки.

Кровь на асфальте была густой, студенистой, схваченной по краям тонкой ледяной коркой, но в самом центре пятна еще не замерзла. Значит, лежит от силы минут тридцать-сорок. Еще час на этом ветру - и остыл бы до состояния каменной туши.

Я аккуратно, стараясь не свернуть шейные позвонки, перевернул парня на спину. Тот глухо, надсадно захрипел сквозь сжатые зубы.

Лет двадцать пять - тридцать. Крепкий, сбитый, плечистый. Но лица практически не было видно за сплошной коркой грязи и спекшейся черной сукровицы. Вся правая скула и висок превратились в сине-багровое вздутое месиво, глаз заплыл наглухо. Нижняя мочка правого уха была оторвана и сиротливо свисала на тонком лоскуте кожи - именно оттуда кровь хлестала фонтаном, заливая воротник плотной куртки и грудь. Правый рукав был выдран с мясом по самый плечевой шов.

Я притащил теплую запасную куртку, брошенную на всякий случай в кабине, свернул валиком и аккуратно подсунул ему под затылок, изолируя голову от промороженного камня.

Фантик моментально всунул мокрый нос между моими руками и принялся с неистовым упорством вылизывать здоровой половине парня щеку и подбородок.

Раненый застонал, попытался отмахнуться ватной рукой, веки дрогнули:

— М-м-м-гх…

— Лежи, бродяга! Лежи, не дергайся! — гаркнул я, прижимая его плечо к асфальту. — Фантик, сидеть! Охранять!

Пес сел на задние лапы у изголовья парня, оскалил клыки в сторону пустой стоянки и глухо зарычал. Пост сдал - пост принял.

Нужны бинты, перекись, кровоостанавливающее, спирт. И срочно!

Я вскочил, вскинул «Ксюху» к бедру и рванул к главному входу гипермаркета.

Раздвижные стеклянные двери были разнесены в крошево.

Осколки триплекса с сухим стеклянным звоном хрустели под моими башмаками.

Я влетел в центральную галерею и замер.

Мама дорогая… Хан Батый в союзе с ротой пьяных десантников отдыхал в сторонке. Это был не сбор припасов. Это было бессмысленное, тупое, яростное бешенство двуногих скотов.

Полки снесены. Витрины с элитным коньяком и водкой разбиты вдребезги, по плиточному полу текли зловонные ручьи дорогого пойла вперемешку с давлеными маринованными томатами, майонезом и рассолом. Металл стоек был искорежен и вывернут наружу. Огромные рекламные щиты под

потолком сбиты арматурой и болтались на силовых проводах. В нос ударила чудовищная вонь: перегар, гнилые цитрусы, закисшая капуста и откровенное собачье дерьмо. Мародерили не спеша, с размахом, уничтожая всё, что не могли унести.

Справа, за развороченной кованой решеткой, темнел красный крест сетевой аптеки.

Я перемахнул через обломки кассового стола. Здесь крушили еще злее: стеклянные витрины рецептурного отдела вынесли кувалдой, железные сейфы с сильнодействующими препаратами взрезали автогеном или тяжелым ломом - дверцы висели на одной петле, внутри зияла черная пустота. Все что было похоже на наркоту, выгребли под ноль.

Но бытовой перевязочный копеечный материал этих ублюдков не интересовал вовсе!

Под ногами, в каше из растоптанных таблеток, валялись невредимые упаковки. Я схватил опрокинутую пластиковую покупательскую корзину, вытряхнул из нее осколки и принялся остервенело сгребать добро: широкие стерильные бинты, упаковки гемостатических губок, пять пузырьков перекиси водорода, хлоргексидин, рулоны лейкопластыря, пачки ампул с кеторолом, шприцы-пятерки, жаропонижающие порошки и целые блоки мощных антибиотиков широкого спектра. Закинул до кучи пару жгутов и ножницы.

Вылетел обратно на морозный воздух через три минуты.

Парень на асфальте уже хрипел осознаннее. Глаза приот-

крылись - мутные, налитые кровью белки бегали по серому небу, пытаясь зацепиться хоть за что-то. Фантик держал лапу у него на груди, придавливая к земле, и непрерывно облизывал здоровый висок.

— Тихо, боец, лежи! Сейчас штопать буду, — выдохнул я, падая на колени.

Зубами сдернул колпачок с пузырька перекиси. Плеснул щедро прямо на разорванное ухо и разбитый висок.

Жидкость зашипела, вскипая густой белой шапкой пены. Парень взвыл от дикой боли, выгнулся дугой и попытался полоснуть меня кулаком по лицу!

— Стой, дурак, свои! — я перехватил его запястье жестким замком. — Свои, говорю! Не дергайся, а то ухо отвалится к чертям!

Он замер, тяжело втягивая морозный воздух сквозь зубы. Из груди вырвался сиплый мат.

Я залепил рваный край пластырем, прижал сложенной вчетверо марлевой салфеткой и начал быстро, виток за витком, накладывать тугую давящую повязку «чепец» через подбородок вокруг затылка. Бинт быстро пропитывался розовым, но свежая кровь больше не хлестала. Перетянул узел, зафиксировал повязку.

Парень облизал потрескавшиеся, запекшиеся губы. Взгляд его наконец сфокусировался на моем лице.

— Кто… кто ты, человек?.. — прохрипел он.

— Я - Федор, — буркнул я, вытирая окровавленные паль-

цы снегом. — А ты кто, смертник?

— Саня… Александр, — он с трудом сглотнул, поморщился от вспышки боли в боку. — Ты… это не ты меня приложил?..

— Ага, конечно! Я сначала тебя по башке отоварил, а потом из спортивного интереса перекисью поливаю и бинтами мотаю. Встать сможешь, Саня? Асфальт тут холодный, почки на раз отстегнутся.

Кряхтя, охая и поминая всех святых вперемешку с матерной росписью, парень перевалился на четвереньки. Я подхватил его под мышки, рывком вздернул вверх. Ноги у Сани были ватными, в коленях предательски щелкало, он тяжело заваливался на правый бок - ребра явно треснули.

Кое-как, шаг за шагом, мы доволокли его до «ГАЗели». Я распахнул высокую пассажирскую дверь, подсадил парня под зад и затолкнул на широкое сиденье. Он буквально рухнул на дерматин, вытянув ноги.

Фантик с победным тявканьем запрыгнул следом, свернулся тугим клубом на резиновом коврике в ногах у раненого и положил тяжелую морду ему на ботинок, контролируя ситуацию.

Я захлопнул дверь, обошел капот, запрыгнул за баранку. Врубил печку на максимум - из дефлекторов упруго ударил обжигающий поток горячего воздуха. Достал пачку сигарет, чиркнул зажигалкой, глубоко затянулся и протянул пачку Сане.

Тот сидел, привалившись виском к заиндевевшему стеклу. Одну сигарету взял дрожащими, сбитыми в кровь пальцами, повертел в руках, но прикуривать не стал - голова кружилась так, что его ощутимо пошатывало даже на ровном месте.

— Ну? — выпустил я струю дыма в приоткрытую форточку. — Излагай. Кто тебя так разукрасил под хохлому?

Саня хрипло, криво усмехнулся разбитыми губами:

— Вид боевой оценил уже? То-то же… Короче. Приехал сегодня с утра сюда, к гиперу. Тихо все было, пусто. Зашел со служебки, набил багажник своей «ласточки» под самую крышу: тушняк, консервы рыбные, макароны, сахар, сигарет… Стою, значит, сзади, багажник пытаюсь закрыть, коробки трамбую. И тут - шорох из-за угла. Гляжу краем глаза - крадутся трое.

Он замолчал, скрипнув зубами от нахлынувшей ярости:

— Я-то, дебил наивный, сначала даже обрадовался! Люди же! Живые люди вокруг! Рот разинул, поздороваться хотел… А они без разговоров, сходу - хрясь по кумполу чем-то тяжелым! То ли трубой обернутой, то ли битой бейсбольной. Я носом в асфальт. Они навалились, давай ногами по почкам и по ребрам месить! Суки… Твари конченые!

Саня ударил кулаком по торпеде «ГАЗели»:

— Нет бы зайти внутрь - там же жратвы на три войны с китайцами, бери бесплатно, греби лопатой! Нет, нахрен! Надо подойти со спины, проломить череп и отобрать чужое!

Прыгнули в мою машину, по газам - и упылили в сторону проспекта! Поубивал бы гадов своими руками!..

Он тяжело задышал, сжав бок ладонью.

Я смотрел перед собой сквозь лобовое стекло на мертвые бетонные громады торгового комплекса.

Значит, вот оно как.

Не инопланетяне. Не секретные вирусы спецслужб. Обыкновенная человеческая гниль вылезла наружу в первые же сутки безнаказанности. Стоило исчезнуть полиции, судам и камерам - и часть выживших моментально превратилась в гиен.

Саня несколько секунд сверлил меня тяжелым, немигающим взглядом единственного целого глаза:

— И что теперь делать будем, командир?

— «Будем»? — я саркастически приподнял бровь. — Я до сегодняшнего утра вообще считал, что один на шарике остался. А теперь выясняется, что нас тут целая банда потеряшек, да еще и с битами наперевес.

— Спокойно, шеф, не кипишуй, — Саня попытался развести руками. — Нас в машине сейчас двое…

Фантик снизу выдал глухой, возмущенный рык.

— Ладно, пес, трое нас! Трое! Вот я и спрашиваю по-людски: куда путь держать будем?

— Куда-куда… — я крутанул баранку, выворачивая тяжелый грузовик на проспект. — В светлое будущее, мать его за ногу. Сначала на базу, отмоем тебя, коньяком раны про-

дезинфицируем, может быть, даже накормим. А потом будем думать, как нам зубы отрастить, чтоб нас эти звери живьем не сожрали.

Саня глянул на меня, на мою перебинтованную шею, на тяжелый бронежилет под расстегнутым бушлатом и вдруг коротко фыркнул носом.

Я покосился на его сине-фиолетовую забинтованную физиономию, на торчащие из-под повязки уши - и не выдержал.

Мы заржали.

Дико, хрипло, в голос, сотрясая стылую кабину «ГАЗели»! Это был не смех веселья — это лопалась на куски пятидневная, давящая, ледяная пружина нечеловеческого напряжения.

Фантик поддержал нас заливистым басовитым лаем.

«ГАЗель» взревела мотором и понесла нас троих обратно - на спасительную, укрепленную «Горку нищих».

До места мы долетели без приключений.

Я загнал «ГАЗель» во двор за глухие ворота, заглушил мотор и первым делом помог Сане сползти с высокой подножки. Парня по-прежнему штормило: он тяжело опирался на мое плечо, волочил правую ногу и кривился при каждом вздохе - ребра под плотной курткой явно трещали. Фантик крутился у ног, бдительно обнюхивая колеса, словно проверял, не привезли ли мы на хвосте чужаков.

На кухне я усадил бедолагу на широкий табурет у стола, чиркнул спичкой у газовой конфорки и на скорую руку свар-

ганил двойную порцию яичницы с охотничьими колбасками.

Пока сковорода шипела, Шурик жадно, шумно глотал горячий сладкий чай прямо из большой керамической кружки, обжигая разбитые губы. С едой он расправился за три минуты – отправляя ее в рот сразу большими порциями, едва успевая жевать. Жирные калории и тепло моментально ударили в голову, выбивая наружу накопленный яд.

— Найду — своими руками глотки перегрызу этим отморозкам!.. — выпалил он, с грохотом впечатав пустую кружку в стол.

— Ты сейчас конкретно про кого? — я спокойно снял сковороду с огня.

— Про тех ублюдков с парковки! Нет бы просто зайти в зал, дверь нараспашку, бери чего хочешь! Так нет, твари, со спины подкрались, битой по затылку звезданули, машину с припасами увели! Беспредельщики конченые!

— Так, остынь малость, не кипятись, — я постучал черенком ложки по столешнице, призывая его к порядку. — И включи остатки мозгов, если их там окончательно не растрясло. Где ты их искать собрался прямо сейчас? Наугад колесить по миллионному городу на неповоротливом грузовике? Допустим сказочный вариант - наткнулся. Дальше что? Из пальца по ним стрелять будешь? «La vendetta è un piatto che va servito freddo». Месть — это блюдо, которое жрут холодным. А главное - аргумент у тебя какой против троих с железом?

Саня прищурил целый глаз, скрипнул зубами:

— Не боись, командир, твою «Ксюху» клянчить не стану, вижу, как ты в нее вцепился. Есть у меня на примете одно железобетонное место. С десяток нормальных стволов и патронов под завязку там гарантированно лежит.

— Та-ак, — я с интересом опустился напротив него на табурет. — А вот с этого места излагай подробнее.

— К дэпсам в наш районный отдел надо наведаться, ревизию в оружейке навести.

— А почему к дэпсам? Почему не на базу Росгвардии? У спецов арсенал всяко пожирнее будет.

— Элементарно, Ватсон. Потому что я там работаю… работал, до недавнего времени, — Саня криво, горько усмехнулся, потрогав повязку на ухе. — До всей этой чертовщины инспектором дорожно-патрульной службы числился. Знаю до миллиметра, где ключи от КХО висят, у кого второй комплект в сейфе и через какую форточку во внутренний двор влезть. Плюс патрульный «УАЗ-Патриот» со спецсвязью и полным баком забрать можно.

— Понятно, — покачал я головой. — Но воевать ты в таком виде не пойдешь. Ты сейчас на воина не похож, ты похож на лешего из бурелома.

— Да знаю, командир… Переодеться не во что, куртку в клочья изодрали.

«Опять командир, — усмехнулся я про себя. — Армейская привычка субординации берет свое даже в руинах».

— Значит так, Леший, слушай вводную. Сейчас идешь в предбанник. Париться с пробитой башней и сотрясом тебе категорически нельзя - инсульт поймаешь на раз-два. Просто теплой водой смываешь грязь и кровь. А я пока подберу тебе шмотки.

Из гардероба отчима на втором этаже я вытащил тяжелый, проверенный годами камуфляжный костюм на холлофайбере. Старик берег его для дальних осенних выездов за глухарями в тайгу: ткань не шуршит, плечи усилены кордурой, ветром не продувается. Сане он пришелся почти впору - чуть широковат в плечах, но под свитер село идеально.

Через час мы сидели в гостиной у потрескивающего камина. На столе исходил паром заваренный сбор смородинового листа и чабреца. В кружки я плеснул ровно по чайной ложке отчимовского коньяка - чисто для сосудистого тонуса.

— Федь, а дальше-то что? — тихо спросил Шурик, глядя в рыжие угли. — Как выживать в этом дурдоме будем?

— До сегодняшнего полудня я думал просто: запасти еды, закопаться на базе, бросить кабель, а по весне теплицы засадить огурцами да лучком… А теперь вижу - хрен там ночевал. Придет какая-нибудь стая с дубинами и вышвырнет из этого сытого теремка. Значит, надо отращивать клыки. Такие, чтоб при одном взгляде на наш забор у любых гастролеров желание подходить отпадало наглухо.

— Золотые слова, командир. Пошли обкурим это дело? — Саня потянулся за сигаретой.

Мы вышли на высокое крыльцо. Щелкнули кремни зажигалок, сизый табачный дым поплыл в морозный воздух.

Шурик затянулся, поднял голову, огляделся по сторонам - и лицо его резко окаменело.

— Слышь, Федор… А тебя самого чисто визуально сейчас ничего вокруг не смущает? — вполголоса спросил он.

— А что должно смущать? — я окинул взглядом тихий темный сад.

— А то. Смотри со стороны. Кругом — глухая чернота и гробовая тишина на десятки километров. А у тебя в усадьбе окна сияют, как новогодняя елка, и дизель-генератор за сараем молотит на всю Ивановскую! Звук и этот свет по мерзлому воздуху разносятся верст на пять вокруг! Для любой бродячей банды мы сейчас - маяк посреди океана. На огонек сбегутся - отбиться не успеем.

Меня словно ледяной водой окатило.

«Вот тебе и лейтенант запаса, — полоснула злая мысль. — Дорвался до тепла и лампочек, расслабил булки, как гражданский ротозей».

— Прав, — коротко отрезал я, затаптывая окурок в снег. — Глаз замылился. Гасим всё к чертям.

Я сбежал со ступенек к навесу у гаража, повернул тумблер на щитке генератора.

Дизель чихнул и заглох. Яркий свет в окнах дома мгновенно погас.

Мир вокруг схлопнулся в непроглядную, ледяную смоля-

ную тьму, накрывшую «Горку нищих» тяжелым колпаком тишины. Только мелкие колючие звезды мерцали в вышине над замерзшими березами.

Мы вернулись в дом, заперев входные все двери на все замки, и подперев для надежности тем, что под руку попалось.

Я уложил раненого Саню на диване в гостиной, накрыв ватным одеялом поверх пледа, бросил рядом снаряженную «Ксюху» и потрепал напарника по плечу:

— Спи, Леший. Завтра на рассвете берем «ГАЗель» и идем потрошить твой отдел.

— Договорились, командир… — глухо отозвался он из темноты.

Фантик улегся прямо на пороге между комнатами, вытянув черные лапы в сторону двери.

Я поднялся на холодный второй этаж, завернулся в бушлат и лег на панцирную сетку кровати, прислушиваясь к темноте.

Тишина больше не казалась мертвой. Она была затаившейся. И завтра мы должны были встретить ее во всеоружии.

ГЛАВА 3

Проснулся я от такого грохота, будто на первом этаже товарный вагон с рельсов сошел.

Сердце моментально сделало трусливый кульбит под ребрами. Не открывая глаз, я судорожно натянул ватное одеяло до самого подбородка, прислушиваясь к пустоте дома. Внизу что-то глухо звякнуло, потом протяжно заскрежетало железо по кафелю.

Чертыхаясь сквозь зубы и на ходу попадая ногами в штанины, я кубарем скатился по деревянной лестнице.

На кухне вовсю хозяйничал Саня. Картина открывалась монументальная: сложившись пополам, он чуть ли не по пояс залез внутрь распахнутого холодильника. Из угла рта на манер пиратской сигары торчала толстая вареная сосиска, а в левой руке он победно сжимал двухлитровый пакет с апельсиновым соком.

— Ты чего с утра пораньше барагозишь? — хмуро буркнул я, привалившись плечом к косяку и протирая заспанную физиономию. — Вот и пусти постороннего человека в приличный дом. Сам не выспится и хату по бревнышку раскатает.

— Чего разбухтелся-то сразу? Не видишь - люди завтрак добывают, — отозвался Шурик, даже не подумав вынуть со-

сиску из зубов, отчего его бас прозвучал забавно, в нос. Он выудил из недр полки шматок ветчины и наконец повернулся ко мне. — А кто-то, между прочим, с вечера даже пальцем не ткнул, где тут у него нормальная жратва лежит! Пришлось самому в твоих залежах порядок наводить.

— Между прочим, — я демонстративно щелкнул кнопкой электрочайника, который сразу зашипел, набирая обороты, — до твоего явления народу тут был образцовый заводской порядок! Банки по ранжиру, ложки по росту… И никто кастрюлями в тишине не гремел, пока кое-кто со смачным фингалом на пороге не нарисовался.

— Ага, порядок у него, стерильность прямо, — Шурик хмыкнул, насыпал в две кружки растворимого кофе и залил кипятком. Затем, вконец обнаглев, сгреб со столешницы вчерашнюю бутылку отчимовского коньяка и без всякого спроса щедро плеснул по паре бульков в обе чашки. Пододвинул одну мне, плюхнулся на табурет напротив.

— Понаставил ящиков в коридоре, ходи теперь впотьмах, пальцы о них расшибай! И вообще, командир, спасибо сказать должен. Генератор-то твой под утро сдох, солярка кончилась. Я от дубака и проснулся. Пока по сараям шарил, пока канистру нашел да в бак залил - весь соляркой провонял! Сон как рукой сняло. Решил шефу приятное сделать, стол накрыть, а в ответ - одни претензии! Так что ты мне еще за моральный ущерб должен остался.

О, дядя заговорил бойко и нагло, значит, оклемался бо-

ец. Вчера на парковке валялся синей ледышкой, а нынче уже права качает.

Да и рожа его сегодня выглядела куда бодрее. Мертвенная бледность сошла, в глазах появился веселый пацанский блеск. Если не считать белой повязки через затылок да роскошного багрово-зеленого «фонаря» на пол-лица, сошел бы за обычного работягу после бурных выходных.

— Шутка юмора принята к сведению, — я сделал глоток горячего кофе, обжигая нёбо. — Только вот кто кому должен - большой вопрос. Мы тебя, можно сказать, на помойке подобрали, отмыли, забинтовали, на диван уложили, а ты нам счет выставляешь? Совесть у ментов окончательно атрофировалась?

Саня сыто ухмыльнулся и принялся наворачивать уже третью сосиску, густо макая ее прямо в банку с ядреной горчицей.

— Слышь, конспиратор, — прищурился я, отхлебывая кофе. — А кто вчера на крыльце соловьем заливался? Мол, генератор тарахтит на три версты, база как елка горит, от отморозков тапочками не отмашемся? А сам чуть свет дернул за шнурок и снова завел шарманку на всю округу!

— Так то ж ночью, в гробовой тишине! — парировал Шурик с набитым ртом. — Ночью любой чих за километр слыхать, а сейчас ветер в ветках гуляет, да и на морозе околеть не улыбается. И вообще, мы вчера вроде конкретное дело намечали. Твоя «ГАЗель» на ходу? Оружейка моего полка

нас еще ждет?

— А куда она нахрен денется, — хмыкнул я. — Дожевывай давай и на выход. Сам-то на ногах стоять можешь? Бочина не отстегнется?

— Если резко не дергаться - вполне живой. Погнали!

Пока я натягивал бушлат и башмаки, со двора донесся надсадный вой. Вышел на крыльцо: Фантик сидел у колеса «ГАЗели», колотил хвостом по мерзлой колее и орал дурниной в сторону калитки.

— Пес тоже с нами мылится? — удивился я.

— А ты попробуй его дома оставь, — хмыкнул Саня, застегивая куртку. — Он чуть дверь с петель не снял, пока я генератор заправлял.

— Ладно, если что, в кузове места на взвод хватит, прыгайте.

Кобель пулей влетел на пассажирское сиденье, Шурик со стоном вскарабкался следом, держась за бок, и мы выкатились за ворота.

— Ну, давай рассказывай, служивый, — нарушил я тишину, выруливая на пустую объездную. — Кто ты, откуда? А то вчера впотьмах толком и не поговорили.

— Да чего там тереть, — Саня отвернулся к окну, разглядывая заснеженные осины. — Местный я. Родился здесь, вырос на рабочей окраине. Отца не помню, мать тянула. После школы – армейка, ПВО. Вернулся, покрутился туда-сюда - ну и пошел в отдел ДПС, палкой полосатой махать. Ни жены,

ни детей, ни кредитов. Обычный сержант. Слышь, Федь, а тебя в то самое первое утро тоже выворачивало наизнанку, будто в башку лом забили?

— Было дело, — скрипнул я зубами, вспоминая ту боль. — Думал, инсульт поймал.

— Вот и я сутки под тряпками пластом пролежал. Потом в магазин у дома сползал, тушняка наелся… А вчера дернул в гипермаркет, ну и словил подачу от троих ублюдков. Думаешь, много еще таких банд по городу шляется?

По всему выходило, что этот чертов морок долбанул по всем одинаково: мерзко, с судорогами и звоном в ушах. И если мы с Шуриком кое-как переломались и встали на ноги, то сколько еще таких же бедолаг прямо сейчас тихо доходят в темных выстуженных панельках, боясь нос высунуть за порог? А с другой стороны - те трое с парковки. Те-то оклемались мигом! И вместо того, чтобы искать своих или консервы по складам собирать, сразу сколотили стаю и взялись за биты. Безнаказанность - она почище любой водки мозги сносит. И сколько таких гнид уже делит улицы мертвого Города?

Я поделился этой мыслью вслух.

— Поживем — увидим, — после долгой паузы глухо отозвался Саня, сразу растеряв весь свой утренний гонор. — Давай, командир, решать проблемы по мере их поступления. А то от таких масштабов и так башка кругом идет.

Разговор заглох. В кабине гудела печка, с шипением обдувая нижний край лобового стекла.

Я крутил баранку, вглядываясь в пустые перекрестки. Город стоял серым монолитом. Брошенные у обочин легковушки с распахнутыми дверями, темные глазницы многоэтажек, обрывки газет, которые поземка лениво гоняла по обледенелому асфальту. Память - паскудная штука. Она упорно подсовывала картинки из прошлой жизни: гомон толпы, вечерние огни витрин, звонкий смех сестренки на ледяной горке… А реальность била по мозгам сухим стуком подвески на мерзлых кочках. Нет ничего. Всё стерто.

Но подыхать в углу от жалости к себе я не собирался. Раз уж выжил - зубами в эту жизнь вцеплюсь. Если есть трое отморозков — значит, найдутся и тридцать три, и сотни. Власти нет, ментов нет, судов нет. Вылезла всякая мразь. Поэтому прямо сейчас едем за стволами, чтобы весомый аргумент в разговоре с такими товарищами был, а там будем посмотреть.

Бетонный забор с козырьком из колючей «егозы» намертво отрезал территорию полка от мира.

Когда-то давно управление ДПС вынесли на дальний край района, к пустырям. За тридцать лет город нагнал контору, стиснул со всех сторон серыми многоэтажками-свечками, и теперь этот огороженный бетонный прямоугольник смотрелся чужеродной крепостью посреди вымороженного спальника.

Шлагбаум опущен, тяжелые стальные ворота сомкнуты, окна кирпичной будки КПП чернеют пустотой. Я свернул к

глухому углу гаражей, заглушил «ГАЗель» под прикрытием трансформаторной подстанции.

Фантик в кабине мгновенно встал на лапы, прижал уши и выдал низкий, вибрирующий рык в сторону закрытого плаца.

— Сиди. Не суйся, — я коротко опустил ладонь на его лобастую голову. — Машину карауль.

Пес посмотрел исподлобья, фыркнул, но дисциплинированно лег брюхом на коврик, положив подбородок прямо на рычаг переключения передач.

Саня уже крутился у борта, придерживая рукой ноющий бок:

— Пошли, шеф. Через парадку только дураки с гранатометами ломятся.

Мы обогнули кирпичную будку. В узкой щели между забором и глухой стеной склада притаилась стальная калитка. Саня привычным, заученным до автоматизма движением сунул пальцы за водосточную трубу, нащупал там кусок изогнутой проволоки, поддел внутренний язычок задвижки. Железо сухо щелкнуло.

— Отличная работа, ты точно ДПСник, а не «медвежатник»? — хмыкнул я, протискиваясь следом.

— Годы практики, командир, — осклабился Шурик, перешагивая порог служебного крыла. — Тут половина смены через эту дыру на обед бегала, чтоб дежурному на глаза лишний раз не мозолить.

Внутри административного корпуса стоял промозглый дух казенщины: застарелая хлорка, пыль отсыревших протоколов и могильный сквозняк. Здание вымерзло начисто. Ни огонька, ни шороха, только наши шаги по кафелю отдавались под потолком гулким эхом.

Саня вел вперед как заправский сусанин. Мимо пустых кабинетов, мимо разбитой кофейной стойки, вниз по бетонным ступеням - в полуподвальный бункер. Там, в глухом тупике за тяжелой решеткой тира, взгляд уперся в двухстворчатую сейфовую броню с надписью: «Комната хранения оружия».

И тут Саня резко остановился, уставился на замок и со всего маху влепил себе ладонью по лбу.

— Твою дивизию…

— Только не говори, что ключ у генерала на даче, — тихо, но с опасным металлом в голосе произнес я, шагнув к нему вплотную.

— Хуже, — скривился Шурик, скосив глаз на повязку. — На пульте у дежурного. В пенале опечатанном. Я ж на автомате сюда попер, забыл, что электричества нет и кнопки не пашут.

— Слышь, Сусанин недоделанный, — я постучал костяшками по стальному полотну. — Мне этот сейф ломом ковырять до морковкина заговенья. Давай мухой наверх. И чтоб без фокусов.

— Стой здесь, в катакомбах не блуди, — огрызнулся он

и припустил вверх по лестнице, глухо топоча подошвами по бетону.

Я остался один в темноте. Луч налобного фонаря выхватывал шершавую побелку стен, паутину на вентиляционных коробах и темные потеки на полу. В тишине монотонно и нудно, прямо на железный лист под ногами, капала ледяная вода: кап… кап… кап… Рука машинально лежала на цевье «Ксюхи». Время тянулось как резина на морозе.

Сверху донесся грохот, затем быстрый топот. Из полумрака вынырнул запыхавшийся Саня. В пальцах у него победно звенело целое кольцо тяжелых фигурных ключей.

— Скучал, шеф? На ловца и зверь бежит!

Он всадил первый бородочный ключ в нижнюю скважину, провернул с натужным хрустом. Следом второй. Ригели с сочным металлическим чавканьем втянулись внутрь двери. Саня навалился плечом, петли протяжно запели, и бронированная створка отошла в сторону.

Я шагнул через порог, повел лучом по стеллажам - и замер.

— Мать честная… — сорвалось с губ.

Помещение было забито серыми стальными пирамидами. В них ровными, плотными гребенками стояли укороченные «Ксюхи» - не две и не три, а несколько десятков. Воронение блестело тонким слоем свежего консервационного солидола. На нижних полках тяжелыми монолитами темнели зеленые деревянные цинки с патронами. В отдельном опечатанном

шкафу аккуратными стопками лежали пистолеты Макарова в коричневых кожаных кобурах.

Саня расплылся в самодовольной ухмылке, оглаживая ствол ближайшего автомата:

— Ну? Что скажешь? «Преступность на дорогах области год от года растет качественно и количественно, посему личный состав обязан быть готов к пресечению любых противоправных действий!»

— Я скажу, что вы тут к войне с НАТО готовились, а не штрафы за превышение выписывали, — буркнул я, прикинув вес добра. — На кой ляд нам столько железа на двоих? Тут взвод укомплектовать можно под завязку!

— Жаба душит бросать, командир! — в голосе Шурика зазвенели нотки откровенного раскулачивателя. — Сами не заберем - завтра отморозки с улицы вынесут. Так вроде ты говорил?

— Хватай ящики с патронами, пока спина не отвалилась, — отрезал я. — Вытаскиваем во внутренний двор к свету. Там отсортируем, лишнее балластом тащить не станем.

Следующие сорок минут превратились в каторжный конвейер. Мы волокли наверх цинки, набитые патронами пять сорок пять, коробки с макаровскими девятимиллиметровыми, связки автоматов за брезентовые ремни. Дыхание сбилось, холодный воздух обжигал горло, спина под бушлатом взмокла насквозь.

Саня в какой-то момент сгрузил очередной ящик у крыль-

ца, подогнал прямо к ступеням темно-синий служебный микроавтобус «Соболь» с белой полосой по борту и тихо растворился в недрах первого этажа.

Я выволок на рампу последнюю пачку консервантов и банок с раствором для чистки стволов, разогнул ноющую поясницу:

— Саня, ты где там застрял, мать твою?..

Дверь дежурной части распахнулась с пинка.

На пороге стояло явление.

Я выронил банку с ружейным маслом в снег.

Из проема с важным видом вышагивал Шурик. От его вчерашнего зачуханного, оборванного вида не осталось и следа. На парне был натянут новенький, с иголочки камуфляж ядовито-синей «омоновской цифры». На ногах поскрипывали тяжелые уставные берцы с черными люверсами, а на перебинтованной голове залихватски сидела форменная кепка того же колера. И всё бы ничего, но его роскошный фиолетово-зеленый бланш во всю скулу придавал этому «спецназовцу» абсолютно карикатурный, хулиганский вид!

— Отставить ржать, рядовой! — рявкнул Саня, шутливо насупив брови и картинно поправляя автоматный ремень на плече. — Уставная форма номер четыре!

Я привалился к борту «Соболя» и заржал до колик, вытирая слезы рукавом:

— Спецназ дорожного разлива, ёперный театр! Тебе в цирке выступать надо без грима! Ты в зеркало на себя глянь

- чисто леший на дискотеке!

— А, по-моему, очень даже симпатишненько сидит, по фигуре, — самодовольно осклабился Саня, крутанувшись перед боковым зеркалом заднего вида. — Если б не эта раскраска под хохлому на физиономии - девки бы штабелями укладывались! На, держи, командир. Не всё ж мне одному щеголять.

Он с глухим стуком бросил мне под ноги увесистый сверток, туго перетянутый шпагатом:

— Твой размер. Там еще десяток комплектов на полках лежал, я всё подчистую сгреб. Скидывай свою засаленную робу, негоже первому человеку на районе оборванцем рассекать.

Я с сомнением пощупал ткань. Плотная, ветрозащитная, со специальной пропиткой. Через пять минут в предбаннике дежурки я уже затягивал шнурки новеньких армейских ботинок.

Форма села плотно, привычно прижав плечи. Теперь со стороны мы походили не на растерянных одиночек, а на сыгранную вооруженную группу, готовую отрывать головы любому, кто посягнет на наш периметр.

Шурик деловито захлопнул заднюю дверь «Соболя», вытер испачканные в графитке ладони о брезентовую ветошь и победно подбоченился:

— Ну всё, шеф, упаковались под самую крышу! Прыгаем по коням - и домой, к теплу и сосискам?

— Осади назад, шумахер, — я закурил, выпустив струю горького дыма в стылый воздух, и прищурился на двухэтажный кирпичный корпус. — У тебя в башке после вчерашней биты только сосиски и помещаются? А бронежилеты где? Дежурная смена у вас в одних рубашках с галстуками под пули лазила? А рации? Мы на базе через забор свистеть друг другу будем?

«Хороший все-таки парень этот Шурик, - подумал я про себя, наблюдая, как он тут же согласно кивнул, — вот только слишком уж шустрый, прет напролом. Есть перед глазами конкретная цель - надо к ней мгновенно двигаться, не замечая ничего вокруг. Кусты ли, болото ли на пути встанет - так и попрет напролом по прямой, даже не обратив внимания на то, что кусты можно аккуратно обойти, а через топкое болото сухое деревце перекинуть для безопасности». В любом случае - парень он точно не бестолковый и хваткий, что меня несказанно радовало в наших обстоятельствах.

Саня замер с приоткрытым ртом, потом смущенно почесал затылок под новенькой кепкой:

— Твоя правда, командир… Замкнуло малость. Брони в каптерке на втором этаже стопками лежали, а радиостанция в диспетчерской на пульте.

— Вот и пошли шуровать, пока светло.

Следующий час мы потратили не зря. Наша «хомячья» жадность окупилась с лихвой. Со второго этажа во двор перекочевали три десятка тяжелых кевларовых бронежилетов

пятого класса защиты - с толстыми титановыми пластинами на груди и спине, способными удержать автоматную пулю с пятидесяти метров.

Из диспетчерской мы выгребли целую коробку портативных раций «Моторола» с зарядными стаканами и две мощные автомобильные станции со штыревыми антеннами на магнитах.

Но главный сюрприз ждал в дальнем закутке ремонтного бокса. Там, под верстаком, в пыльных деревянных ящиках лежали четыре тяжелых ручных гидравлических разжима-ножницы со шлангами высокого давления и насосами.

— Ни черта себе, — я провел пальцем по хромированному штоку гидроцилиндра. — С каких это пор гаишники тяжелой гидравликой разжились?

— По федеральной программе безопасности движения подогнали, — пояснил Шурик, затаскивая насос на подножку. — Чтобы при лобовых на трассе заклинившие стойки резать да людей из покореженных кузовов выкусывать.

— Золотая вещь, — кивнул я. — Таким клювиком любой амбарный замок и любую решетку перекусишь за пять секунд без всякого шума. Грузи!

Мы вернулись во внутренний двор.

Автопарк полка стоял ровными шеренгами под длинными навесами: белые «Лады Гранты», крепкие «Форды Фокусы», юркие «Солярисы» и свежие патрульные «Шкоды Октавии» с синими проблесковыми балками на крышах. Десятка три

машин.

Саня подошел ко мне, тяжело дыша и прижимая ладонь к ноющему правому подреберью:

— Слышь, Федь… Давай со всех тачек бензин под ноль сольем и аккумуляторы свежие поснимаем? Чтобы чужим мародерам хрен без масла остался! Только я батареи тяжелые таскать не сдюжу - ребра стреляют так, что искры из глаз. Но клеммы ключом откручу на раз-два.

— Договорились, — хлопнул я его по плечу. — Ты крутишь - я таскаю.

Работа закипела.

Шурик с рожковым ключом на десять шел впереди, щелкал замками капотов, ловко сдергивал свинцовые клеммы и откручивал прижимные планки. Я шел следом, резиновым шлангом с грушей втягивал бензин из баков в двадцатилитровые пластиковые канистры, а затем на пупке волок тяжеленные аккумуляторы в салон «Соболя».

Руки в матерчатых перчатках закоченели от ледяного бензина, спину ломило свинцовой тяжестью, но азарт выжигало досуха.

Под весом тридцати канистр и полутора десятков свинцовых аккумуляторов рессоры «Соболя» натужно скрипнули, и корма микроавтобуса заметно просела к земле.

Закончив с последней «Шкодой», я разогнулся, подошел к центральному навесу - и замер.

Там, гордо отделившись от казенной белой мелюзги, бле-

стел глубоким черным лаком тяжелый рамный внедорожник - «Тойота Лэнд Крузер 200». Тонированный в ноль, на широченных литых дисках, с хромированным кенгурятником и правительственными антеннами спецсвязи на крыше.

— Опа-на… — протянул я, с благоговением оглаживая теплое крыло. — А этот крейсер чьих кровей будет?

— Комполка нашего персональная карета, — усмехнулся Саня, выуживая из кармана пузатый электронный брелок с кожаной меткой. — Генеральская игрушка. Бензин под горловину, салон кожаный, вебасто, бронированная пленка на стеклах.

— Значит так, товарищ гаишник. Ты как хочешь, а я отсюда поеду исключительно на этом танке, — отрезал я, перехватывая брелок. — Я после института все эти годы на заводе пахал, моторы перебирал, людьми руководить путался и о такой машине только в журналах читал и на картинках щупал. Считай, премия за спасение человечества.

— Базара ноль, командир. Тебе по рангу положено на представительском классе рассекать.

Оставался один логистический узел: бросать нашу верную «ГАЗель» на улице под забором было преступлением.

Я завел грузовичок, аккуратно загнал его внутрь пустого отапливаемого бокса дежурной части, поставил на ручник, закрыл ворота изнутри и навесил на кованую проушину тяжелый амбарный замок. Ключ сунул в карман.

Здесь она простоит хоть год в сухости и безопасности.

Оружие, цинки с патронами, бронежилеты и рации мы бережно перегрузили в просторный багажник «Крузака». Саня сел за баранку груженого «Соболя», а я с наслаждением опустился в глубокое кожаное кресло японского внедорожника.

Палец нажал кнопку старт-стоп. Под капотом утробно, с сытой мощью проснулся восьмицилиндровый дизель, наполнив салон ровной, едва заметной вибрацией.

Фантик на переднем пассажирском сиденье моментально устроился как барин, положив морду на мягкий подлокотник.

Тяжелые створы ворот КПП распахнулись наружу, и наша колонна из двух тяжело вооруженных машин плавно выкатилась на мертвый городской проспект.

Тяжелый внедорожник шел по мерзлому асфальту мягко, как утюг по шелку.

Дизельная восьмерка едва слышно урчала под толстым капотом, климат-контроль гнал в салон упругое, сухое тепло, а кожаное кресло держало спину так удобно, что я на пару минут почти поверил: никакого конца света нет. Просто долгий, муторный выходной. Справа на широком пассажирском месте чинно восседал Фантик, положив морду на лапы и внимательно сканируя глазами пустые перекрестки. Впереди, метрах в сорока, покачивался на рессорах синий служебный «Соболь».

Шипение в динамике автомобильной рации разорвало уютный гул салона:

— Командир, прием! Слышишь меня?

Я снял тангенту с крючка у приборной панели:

— В канале. Не фони.

— Слышь, шеф… — в голосе Шурика зазвучали хитрые, масляные нотки. — А не кажется ли тебе, что столь грандиозную войсковую операцию по экспроприации государственного имущества надо бы по-человечески отметить? Чисто для снятия постоперационного стресса?

— Отметить можно, дело благое, — усмехнулся я в усы. — Только на базе самогона нет, а отчимов коньяк мы вчера почти добили.

— Обижаешь, начальник! — радостно заржала рация. — Тут неподалеку, аккурат за старым парком, есть один специализированный бутик с такими напитками, что у олигархов слюни текут! Я на дежурстве, когда мимо него проезжал слюной захлебывался: вискарь за десять тысяч бутылка! Жаба душила даже в витрину дышать. А сегодня там, по моим оперативным данным, объявлена бессрочная акция: скидки ровно в сто процентов! Сворачиваем на Мира, быстренько затаримся элитным горючим - и на базу!

— Ладно, черт с тобой, веди, дегустатор, — пацан, как есть пацан, с улыбкой ответил я, вешая тангетку рации

«Соболь» лихо заложил крутой вираж влево, уходя с широкого проспекта на второстепенную аллею. Вековые березы и клены старого сквера обступили дорогу плотной стеной, колеса пошли взбивать свежую белую целину.

Мы проехали от силы полкилометра, когда рация не просто ожила — она истошно взвизгнула:

— Командир! Тормози, твою мать! На одиннадцать часов глянь! В сквере!

Я вскинул взгляд влево, сквозь частокол голых стволов.

Там, метрах в семидесяти от дороги, по целине, проваливаясь почти по колено в плотный сугроб, бежала женщина. Без шапки, в распахнутом темном пальто. Ее мотало из стороны в сторону, ноги заплетались, руки судорожно хватали морозный воздух. Было видно: человек выложился до судорог, бежит на чистом животном ужасе, из последних жил.

А следом за ней, с улюлюканьем, диким гоготом и свистом, нагоняя по широкой протоптанной колее, неслась тройка.

Одеты в пестрые спортивные куртки, треники, на головах - сбитые капюшоны. Двигались размашисто, вразвалочку, с пьяной звериной ухваткой. Для них это была не погоня - для них это была веселая охота на зайца. Один на бегу размахивал куском обмотанной изолентой арматуры, второй что-то орал, задыхаясь от ржача. До беглянки им оставалось шагов двадцать. Еще секунда - зацепят за подол, повалят в наст, и живой она из этого скверика может уже и не выйдет.

Внутри у меня все заледенело. Бешенство, слепое и жесткое, ударило в виски молотом.

— Саня, перекрывай выход к аллее! Работаем! — рявкнул я в микрофон, швырнув тангенту на панель.

Руки сами рванули тяжелую баранку влево. Я втопил педаль газа в коврик. Дизель «Крузака» взревел раненым медведем, два с половиной метра бронированной стали с ходу снесли кованую секцию парковой ограды!

Удар! Хруст лопнувшего чугуна, треск бампера! Внедорожник перемахнул через бордюр, сминая молодой березняк, и вылетел на заснеженный газон, вздымая за собой двухметровые шлейфы белой пыли!

Фантик в салоне сорвался на оглушительный, захлебывающийся лай, вцепившись когтями в кожаную спинку и скаля белые клыки в лобовое стекло!

Я опустил боковое стекло, левой рукой поймал руль, а правой сдернул с соседнего кресла «Ксюху». Ствол вылетел в морозный вихрь.

Палец на автомате дернул переводчик огня вниз, до щелчка. Короткая очередь поверх крон деревьев — тра-та-та-тах!

В замкнутом пространстве парка грохот автоматных выстрелов разорвал тишину, как гром среди ясного неба. С веток градом посыпался иней.

Троица запнулась. Вожак с арматурой испуганно присел, втягивая голову в плечи. Но водка и стадное бешенство напрочь вышибли остатки инстинкта самосохранения! Они увидели, что стреляют в воздух, заржали еще громче и снова рванули к застывшей на снегу девушке!

Думать и церемониться времени уже не было!

Саня на «Соболе» срезал по диагонали через пешеходную

дорожку. Микроавтобус выскочил наперерез нападающим, подняв снежную волну, и Саня на малой скорости, но с глухим, чавкающим звуком впечатал широкий металлический бампер прямо в поясницу первого ублюдка!

Тот кулем перелетел через сугроб и рухнул лицом в наст, мгновенно затихнув.

Я затормозил юзом в трех метрах от второго. Распахнул тяжелую дверь внедорожника, выкатился наружу.

Второй нападавший - мордатый, с сопливым перебитым носом - оскалился, размахнулся своей арматуриной, пытаясь достать меня через сугроб:

— Сука, завалю!..

Договорить он не успел.

Я шагнул навстречу, уклоняясь от неуклюжего замаха, и со всего размаха, вложив вес корпуса и плеча, впечатал приклад «Ксюхи» ему прямо в челюсть!

Хрустнуло. Голова парня мотнулась назад, фонтанчик кровавой слюны брызнул на снег, и он бревном рухнул под ноги, закатив глаза.

Третий - щуплый, вертлявый, в засаленной желтой куртке с оторванным карманом - оценил расклад за долю секунды. Увидев валяющихся на снегу подельников и наведенный на него черный автомат, он взвизгнул, как прищемленный поросенок, крутанулся на пятках и зайцем припустил вглубь дворов, перемахивая через метровые сугробы как заправский легкоатлет!

— Стоять, гнида! Стрелять буду! — рявкнул Саня, вывалившись из кабины «Соболя».

Он попытался сделать шаг за беглецом, но тут же согнулся пополам, зашипел от дикой боли и схватился за сломанные вчера ребра:

— У-у-у, сука… не догоню…

Желтая куртка мелькнула за трансформаторной будкой и растворилась в лабиринте панельных пятиэтажек.

— Хрен с ним, брось! — осадил я Саню, держа ствол у земли. — Не стрелять же в спину, да и так шуму много. Далеко этот заяц не убежит.

Саня, зло сплюнув под ноги, подошел к первому сбитому. Тот уже начинал шевелиться, хрипя и пытаясь поджать ноги. Наш инспектор с ментовской сноровкой наступил тяжелым берцем парню на шею, вдавливая его морду в ледяное крошево, сорвал с его же штанов брезентовый ремень и за три секунды стянул запястья за спиной до белых костяшек.

Затем проделал то же самое со вторым, у которого я прикладом расквасил переносицу:

— Очухаются - мало не покажется. Знакомые рожи, Саня? Эти тебя?

— Не, командир, первый раз эту шваль вижу, — тяжело дыша от боли в боку, прохрипел Саня. — Видать, гопота пьяная повылазила. И вот откуда только столько отморозков и швали всякой повылазило на улицы сразу после отключения света? Как будто канализацию прорвало, честное слово. Ку-

да их?

— А что ты, собственно, хотел, друг мой? Анархия в чистом виде, самая настоящая, первобытная… Эх… — я только безнадежно махнул рукой, понимая, что читать лекции о морали здесь некому. — В «Соболя» кидай, на канистры с соляркой, — жестко приказал я. — На базу заберем. А там и потолкуем по душам, кто такие и откуда приперлись.

Саня за шкирку, волоком по насту затащил обоих мычащих недобитков в салон микроавтобуса и с грохотом захлопнул сдвижную дверь.

В этот момент из салона «Крузака» донесся глухой, яростный удар: Фантик, которого я перед броском в рукопашную инстинктивно запер внутри, все это время со всей дури лупил лапами в тонированное стекло, требуя выпустить его в бой!

Я шагнул к внедорожнику и распахнул водительскую дверь.

Черная молния вылетела наружу, вздымая снежную крошку! Пес даже не глянул в сторону «Соболя», где за стеклом скулили связанные бандиты. Он ткнулся носом в свежую, рваную цепочку женских следов, коротко, басовито гавкнул и крупными прыжками понесся по сугробам вглубь парка - прямо к старой детской площадке, где за ржавыми качелями чернело неподвижное пятно.

— Сань, сиди на хозяйстве, карауль этих деятелей, — бросил я напарнику, захлопывая дверь внедорожника и сдерги-

вая со спинки сиденья армейскую аптечку. — Я за девчонкой. Не дай бог околеет на таком ветру.

— Давай, шеф, я на стреме, — Саня привалился к теплому крылу «Соболя», положив ладонь на рукоять пистолета.

Снег в сквере был глубоким, нехоженым. Берцы с хрустом проваливались по щиколотку, обжигая холодом голенища через плотную ткань новых штанов. Я быстро шагал по цепочке собачьих следов, прижимая локтем пластиковый бокс автомобильной аптечки, пока Саня у дороги курил и приглядывал за запертым «Соболем».

Детская площадка на краю березовой рощи выглядела как декорация к картине судного дня: ржавая скрипучая карусель, оборванные качели и вросшая в сугроб длинная деревянная лавочка.

На ней, вжавшись в промороженные доски спиной, сидела беглянка.

Фантик крутился вокруг нее черной юлой.

Зрелище выворачивало нутро. Без шапки, в тонком сером пальто с оторванной пуговицей, она подогнула ноги под себя и обхватила колени руками. Тонкие пальцы посинели до восковой прозрачности, плечи ходили ходуном, а длинная светлая коса растрепалась, намокнув от снега на воротнике. Она не просто плакала - она задыхалась, сотрясаясь в глухом, спазматическом кашле, выхаркивая из легких ледяной воздух.

А рядом метался пес. Фантик встал передними лапами

прямо на сиденье скамьи, скулил на одной звенящей тоскливой ноте и отчаянно, с собачьей мольбой вылизывал ее мокрые, соленые щеки.

Я сбавил шаг, чтобы не хрустеть снегом, снял «Ксюху» с плеча и спрятал ствол за спину.

— Тихо… Спокойно. Всё кончилось, —негромко сказал я, подходя сбоку.

Девушка вздрогнула так, будто в нее выстрелили в упор!

Она резко вскинула голову, отшатнулась, ударившись затылком о кирпичную стену бойлерной позади скамьи, и выставила вперед онемевшие ладони. В глазах - огромных, залитых слезами, с расширенными до предела зрачками - не было ни капли понимания. Там стоял чистый, первобытный, звериный страх забитой жертвы.

Взгляд ее заметался: синий омоновский камуфляж, тяжелые армейские берцы, короткий ствол автомата за моим бедром.

— Не… не надо… — сорвалось с ее губ сухим, разодранным в кровь шепотом. — Пожалуйста… не трогайте…

Она по-настоящему ждала, что сейчас начнется самое худшее. Стреляли, догнали, окружили.

— Да никто тебя не тронет, дура ты девка, — как можно мягче, но твердо произнес я, опускаясь перед ней на одно колено прямо в сугроб. — Мы тех уродов скрутили. Вон они, в машине связаны лежат. Ты меня слышишь? Глаза открой!

Она не слышала. Психика хлопнула дверью. Зубы выби-

вали дробь, губы посерели от холода. Еще десять минут такого шока на семиградусном морозе — и сосуды спазмируют к чертовой матери, потом сердце не запустишь.

Бить по лицу здравый смысл не позволял. Действовать надо было по-армейски жестко.

Щелкнули замки аптечки, предусмотрительно захваченную из машины, я вытащил стеклянную баночку медицинского спирта. Свернул винтовую пробку, сорвал зубами полиэтиленовую заглушку. В мерный пластиковый стаканчик плеснул грамм тридцать чистогана. Вторую ладонь запустил в карман бушлата, выудил начатую бутылку негазированной воды, разбавил на глазок - один к одному.

Запах казенного спирта и талого снега хлестнул по ноздрям.

Я жестко перехватил ее ледяное запястье. Кожа - ледышка, пальцы скрючены.

— А ну, смотри на меня! — прикрикнул я командным голосом. — Вдохни и пей! Залпом!

Она дернулась было назад, но стаканчик уже уперся ей в губы. Рефлекс сработал вперед рассудка - горло судорожно сжалось, делая два жадных глотка.

Секунда тишины - и ее скрутило!

Таня закашлялась надрывно, до слез, согнулась к коленям, судорожно замахала руками, выплевывая остатки огненного пойла на снег:

— А-а-а-гх!.. Жжет… дышать… не могу…

— Пей воду, живо! — я сунул ей горлышко пластиковой бутылки прямо в зубы.

Она схватилась за пластик обеими руками, сделала три огромных судорожных глотка. Спирт пробил желудок огненным шаром, кровь толчком ударила в виски. Стеклянный, безумный ступор в глазах треснул, уступая место боли и возвращающемуся сознанию. По впалым бледным щекам медленно поползли розовые пятна.

Она судорожно втянула носом морозный воздух, шмыгнула, опустила руки и наконец-то посмотрела мне прямо в лицо - осознанно, тяжело, по-человечески.

Фантик тут же просунул морду снизу, положив тяжелый теплый подбородок ей на колени, и громко, умиротворенно заурчал.

Таня машинально опустила пальцы на его жесткую шерсть. Пес не шевелился, отдавая тепло.

— Кто… кто вы?.. — сипло, сдавленно спросила она, не отрывая взгляда от моих глаз. — Зачем камуфляж?.. Вы военные?..

— Какие к черту, военные, я – мастер на заводе, — выдохнул я, пряча бутылку обратно в чемоданчик. — Федором меня зовут. А вон там у дороги - Саня, сержант ДПС бывший. Это его форма. Мы тебя у тех выродков отбили. Никто к тебе больше не прикоснется, поняла? Всё. Кончилась охота.

Она закрыла глаза. Слезы снова потекли по щекам, но это были уже другие слезы - отпускающего, выматывающего на-

пряжения.

— Я… я Таня… — выговорила она, комкая мокрый край пальто.

— Вот и познакомились, доктор Таня, — я протянул ей руку в плотной перчатке. — А теперь кончай морозить ноги на железе. Вставай. У нас в машинах печки на полную жарят, а дома - камин и горячий чай. Дойдешь сама или на закорки взвалить?

Она несмело оперлась о мою ладонь. Ноги в тонких осенних сапожках задрожали, колени подломились, но я подхватил ее под мышки, не давая осесть в наст.

— Держись за меня, не упадешь.

Фантик победно гавкнул и припустил вперед по протоптанной колее, показывая дорогу.

Мы медленно, шаг за шагом, выбрались к обочине. Саня при виде девушки быстро затушил окурок о подошву, смущенно одернул бронежилет и распахнул заднюю дверь теплого «Крузака».

— Прошу на борт, барышня, — буркнул он без привычного ерничанья, оглядев ее мокрое пальто. — В салоне жара, отогреетесь.

Таня тяжело опустилась на широкое кожаное сиденье, подтянула ноги и закрыла лицо руками, прячась от сквозняка. Фантик мгновенно взлетел следом, улегся на коврик в ногах и намертво прижал ее сапоги своим горячим боком.

Я захлопнул дверь, подошел к напарнику:

— Твои соколы в «Соболе» живы?

— Мычат, — сплюнул Саня. — Очухались гады.

— По коням. Уходим на «Горку». Хватит на сегодня городской романтики.

Ворота усадьбы с глухим скрежетом захлопнулись за «Крузаком».

Первым делом мы с Саней разобрались с грузом в «Соболе». Двух связанных по рукам и ногам отморозков, хрипящих сквозь кляпы, напарник выволок за шкирку и без лишних церемоний спустил по крутой лестнице в бетонированный подвал соседского недостроя. Тяжелая крышка люка легла на место, на проушины встал пудовый амбарный замок. До утра протрезвеют, а там потолкуем.

В доме было жарко. Чугунная сковорода с тушеной картошкой и остатками колбасы приятно скворчала на газовой плите.

Шурик работал челюстями как отбойный молоток, сметая порцию за порцией и всем своим независимым видом транслируя: рядовые милицейские будни, ничего особенного. Я молча хлебал крепкий чай, а Таня сидела напротив, не сняв даже заляпанного грязью пальто. Она лишь вяло, через силу, ковыряла алюминиевой вилкой остывающий кусок картофелины, глядя в клеенку мертвым, остановившимся взглядом.

Тишина звенела так, что ныло в ушах. И вдруг плотину прорвало.

— Что вокруг происходит?! — ее голос сорвался на визг,

вилка со звоном полетела на пол. — Где мы?! Что с нами будет?! Когда весь этот ад кончится?!

Вопросы посыпались с такой яростной пулеметной частотой, что я понял: еще секунда - и начнется дикая, неуправляемая бабская истерика. А выть на луну мне сейчас и самому хотелось не меньше.

— Стоп! — я со всей силы припечатал ладонь по столу так, что подскочили кружки. — А ну, тихо! Вдохни и выдохни!

Она замерла с открытым ртом, испуганно моргая полными слез глазами.

— Давай по пунктам раскладывать, — жестко, отсекая сопли, заговорил я. — Вопрос первый: кто мы такие? Ответ: ты, я и Шурик. Плюс кобель под столом. На этом список живых существ в обозримом пространстве заканчивается. Всяких отморозков не считаем! Вопрос второй: где мы? Мы в автономном доме с печью, едой и колодцем. Здесь безопасно. А теперь главное: что случилось? Мой честный ответ - хрен его знает! Пять дней назад город просто вымер. Куда делись сотни тысяч людей - я не ведаю. Шурик, ты со своей ментовской колокольни что-то знаешь?

— Глухо, как в танке… — буркнул Саня, отвел глаза, резко отодвинул пустую тарелку и поспешил уйти в гостиную, избегая тяжелого разговора.

Подбородок Тани предательски задрожал, плечи снова пошли ходуном.

— Так, подруга, уговор был - без сырости, — я поднялся к навесному шкафчику, вытащил пузырек настойки пустырника и щедро, капель сорок, плеснул в стакан с водой. — На, выпей.

Она покорно выпила горькую муть, закашлялась, шумно высморкалась в бумажную салфетку. Зеленый травяной осадок притупил острие паники.

— Несколько дней я просто сидела дома… взаперти, — тихо, глядя в стол, заговорила она; голос всё ещё дрожал, но горький пустырник уже притупил острую панику. — Боялась нос высунуть. Впадала в какое-то забытье, спала, просыпалась… думала, это дурной сон, кошмар, и вот-вот радио заговорит. А вокруг - мертвая тишина. Сегодня проснулась оттого, что зубы стучат: батареи ледяные, пар изо рта идет. Воды нет, в чайнике пусто. В квартире стало страшнее, чем на улице. Вот и решилась выйти… А тут эти трое из-за угла. Начали свистеть, кричать гадости, хватали за рукав… Я побежала. А потом из сугробов вылетели ваши машины, автоматная пальба… Я вас увидела - в военной форме, с автоматами - и подумала: всё, конец. Бандиты.

Она замолчала, комкая в кулаке бумажную салфетку.

— Понятная картина, — я вздохнул и аккуратно убрал аптечный пузырек обратно в шкаф. — Значит, морок этот всех одинаково накрыл: тишина, ледяные трубы и ощущение, что тебя живьем закопали. Шурика вот вчера у торгового центра битой чуть не прибили, едва в чувство привели. Так что

страх твой понятен. Но здесь бояться нечего.

Таня медленно подняла глаза. Взгляд её скользнул по кухне, задержался на прислоненной к дверному косяку «Ксюхе» с потертым воронением, затем перешел на тяжелый бронежилет, брошенный мной на лавку. В зрачках снова мелькнула настороженность.

— А… оружие зачем? — тихо спросила она, кивнув на автомат. — Вы же говорите, что людей почти не осталось. От кого вы отгораживаетесь?

Я присел напротив нее на табурет, положил тяжелые, шершавые от заводской работы ладони на стол и посмотрел ей прямо в переносицу:

— От тех самых, Таня, от кого ты полтора часа назад по сугробам удирала. Город пустой, милиции нет, судов нет. Те, кто послабее, сидят по щелям, как ты сидела. А те, у кого и совести никогда не было, да еще и тормоза отказали, сбиваются в стаи. Жрать-то всем хочется. Мы этот дом обустроили: тут есть тепло, газ, свет от генератора, запас круп. Для любого бродячего сброда наша «Горка» - лакомый кусок. И если мы не покажем зубы - нас просто вышвырнут на мороз и закопают за забором.

Она побледнела, вжав голову в плечи:

— Значит… вы тоже забираете чужое?

— Я беру то, что брошено гнить, — без тени вины отрезал я, как привык говорить со своими мужиками в цеху. — Если на складе стоят тонны тушенки, которые через месяц отсы-

реют и покроются плесенью, а в городе замерзают и голодают живые люди — это не грабеж, Таня. Это вопрос физического выживания. Либо ты берешь консервы и живешь, либо гордо подыхаешь от дистрофии на холодном линолеуме. Я выбираю жить. И тебя сюда привез не для того, чтобы ты от голода загибалась.

Таня опустила глаза, тяжело обдумывая мои слова. Возразить ей было нечего - сытая картошка на тарелке и тепло от печи говорили убедительнее любых моральных кодексов.

— Поэтому в нашей маленькой бригаде правила простые, — продолжил я спокойным тоном мастера. — На шее никто ни у кого не сидит, каждый занят делом. Мы с Шуриком держим внешний контур, возим все необходимое, обустраиваем жилище. Ты – на хозяйстве. В машине лежит укороченный автомат. Новенький, в заводской смазке. Он будет твоим. Или тебе пистолет лучше?

— Моим?.. — она испуганно отшатнулась к стене. — Нет… я не смогу… я никогда в руках ружья не держала!

— Научишься, — жестко оборвал я. — Пальцы есть, глаза на месте. Я покажу, как снимать с предохранителя и куда нажимать. Стрелять в людей тебя никто прямо завтра не заставляет. Но если мы с напарником уйдем в рейс, а в калитку начнут ломиться чужаки с монтировками - ты не должна скулить на лавочке. Ты должна подойти к окну второго этажа и высадить очередь в забор, чтобы у них штаны промокли. Поняла меня?

Таня медленно, через силу сглотнула и едва заметно кивнула:

— Поняла…

— Вот и договорились. А теперь - отбой. Вопросы на сегодня закрыты, мозг у всех набекрень.

Она робко встала из-за стола, кутаясь в помятое пальто. Я зажег мощный диодный фонарь и повел её по скрипучей деревянной лестнице на второй этаж.

— Располагайся здесь, — я толкнул дверь в угловую спальню с широкой кроватью под толстым ватным покрывалом. — Тут спальня моей матери была. Теплее всего в доме, труба от камина как раз через стену проходит. Свет стационарный я сюда еще не кинул, руки не дошли, так что пока перебьешься с фонариком. Дверь изнутри защелкни, если боишься. Никто к тебе ломиться не станет.

Она сделала шаг в комнату, подошла к деревянному косяку и вдруг замерла. Повернулась ко мне, пристально, с какой-то щемящей, отчаянной тоской вглядываясь в лицо:

— А ты… сам-то женат, Федор?

Вопрос хлестнул наотмашь. В памяти мгновенно всколыхнулась вся застарелая муть: крики в суде, холодная казенная бумага о разводе, пустая квартира…

— Был, — глухо уронил я, отводя луч фонаря в пол. — Год назад всё прахом пошло. В прошлой жизни.

— А у меня через две недели свадьба должна была быть… — прошептала она; голос её надломился, в глазах снова за-

блестели слезы. — Настоящая. С гостями, с музыкой… Платье белое в шкафу в чехле висит. Так и осталось…

Она бессильно опустилась на край кровати, сгорбившись и глядя в темный угол.

Сказать на это было нечего. Любое утешение сейчас прозвучало бы дешевой фальшью. Прошлого больше не существовало ни для нее, ни для меня.

— Спи, Таня, — тихо сказал я. — Утро вечера мудренее.

Прикрыв за собой дубовую дверь, я тяжело спустился вниз...

В гостиной меня ждал сюрприз. На широком мягком диване у камина уже вовсю раскинулся Шурик, укутавшись ватным одеялом до самого подбородка. На полу сиротливо стояла моя старая, скрипучая армейская раскладушка.

— Опа-на, — я остановился посреди комнаты. — А совесть где ночевала?

— Спит уже, командир, — донесся из-под шерсти хитрый, наглый голос. — Я ветеран вчерашних городских боев, контуженный и побитый. Мне ортопедический режим положен по закону о полиции! Слышь, а как тебе барышня чисто визуально? Огонь же девка!

— Не понял, ты же, вроде как, крепко спал минуту назад и даже храпел на весь дом — проворчал я, укладываясь.

— Не, ну а если серьезно, без дураков, как она тебе чисто визуально?

— Саня, ты издеваешься надо мной сейчас, что ли, на

ночь глядя? Какая, к чертям собачьим, девушка, какие бабы?! У меня сейчас голова совершенно другим забита под самый завязку, выжить бы как-то, некогда нам тут в любовь и романтику играть!

— Эт хорошо… — удовлетворенно протянул он, пряча улыбку под одеялом. — В смысле… раз лично ты абсолютно не против — тогда я, пожалуй, сам за ней приударю на досуге. Девушка - просто огонь, фигуристая, симпатичная, прямо полностью в моем вкусе, люблю таких характерных.

— Слушай ты, Казанова недоделанный, полиция нравов, — я со вздохом перевернулся на жесткий бок раскладушки. — Делай на досуге всё, что твоей дурной голове угодно, только прямо сейчас - спать! И чтоб ни звука мне больше! А то сегодня здесь на полу спать будешь у порога!

— Ути-пути, какие мы нежные и ранимые командиры пошли, слова им не скажи, — тихо донеслось из его угла.

— Ну все, блин, Шурик! Держись у меня! Отыграюсь я на тебе по полной программе за всё твое поведение! Но строго завтра, на свежую голову. А сейчас - всем спать, команда «отбой»!

— А что вообще будет завтра, Федь? — уже совершенно серьезно, тихо спросил Саня после долгой паузы, устроившись на раскладушке и глядя на угасающие угли камина.

Я глубоко вздохнул, закрывая глаза.

— День будет, Шурик. Еще один очень длинный, долбаный и непредсказуемый день нашей новой жизни.

ГЛАВА 4

Раскладушка мстила за каждую сэкономленную пружину. Поясницу ломило так, будто меня полночи катали на сухом бревне, а в лопатку уперлась железная распорка.

Я с кряхтением сел, свесив босые ноги на прохладные доски пола.

В доме было тепло. Дровишки в камине мерно потрескивали, распространяя по дому уютное сухое тепло, но главное - воздух. Впервые за всю эту проклятую неделю по комнатам плыл не застарелый дух стылой пыли, пота и безнадеги, а густой, сытый дух нормальной домашней кухни…

Я натянул штаны, сунул ноги в стоптанные чуни и поплелся в сторону кухни, да так и застыл на пороге с отвисшей челюстью.

Таня вовсю хлопотала у плиты. В кастрюльках и сковородках что-то аппетитно булькало и скворчало. Саня крутился рядышком, изображая усердного помощника, подсовывая тарелки и разве что хвостом не виляя. Идиллия, ёкмакарёк! На меня они со своей кулинарией даже внимания не обратили. Стараясь не выдать себя и не спугнуть момент, я невольно засмотрелся.

А посмотреть было на что!

На вид барышне было лет двадцать пять, от силы двадцать

семь. Светлые волосы, заплетенные в толстую косу, доходили почти до середины спины, а фигурка - мечта скульптора. Та самая Венера, которая Милосская, от зависти повесилась бы на первом же суку! Лица я разглядеть пока не мог, любуясь со спины, но грация, с которой она управлялась со сковородками, завораживала: ни одного лишнего движения.

Надо отдать девчонке должное. Не сбежала, не забилась в угол со слезами, а нашла в себе силы, собралась и занялась делом. Верно говорят: лучшее лекарство от любой хандры — это работа.

Неизвестно, сколько бы я так простоял, наслаждаясь живой картиной, если бы не Фантик. Пес, хвостатый предатель, радостно гавкнул и бросился ко мне, с размаху тычась мокрым носом в колени.

Таня обернулась и тут же густо залилась краской, застигнутая врасплох.

Ну вылитая Настенька из сказки «Морозко»! Да и внешне - один в один. Даже в голове не укладывалось, как из вчерашнего заплаканного чудища, напоминавшего гибрид кикиморы, бабы-яги и водяного, ревущего посреди заснеженного парка, за одну ночь получилась эдакая Василиса Прекрасная!

— Что у нас на завтрак, красавица? — спросил я, отлипая от косяка. — Как спалось?

— Привет. Нормально, — тихо ответила она, опуская глаза.

«Ага, нормально, рассказывай сказки». Глаза красные, припухшие - видать, полночи в подушку беззвучно проревела. Но держится молодцом, спину ровно держит. Жалость к себе - верный путь к поражению. Вслух я этого, понятное дело, говорить не стал:

— Как осваиваешься? Чем помочь, подсказать чего?

— Спасибо, не нужно. Александр мне уже всё показал и рассказал.

— Вот и славно. Нашему шустрому Александру отдельная премия в приказ, — я шагнул к столу. — Кормить-то начальника будут?

Ну Саня, наш пострел и тут поспел!

— Будут, будут, — Санек встал поперек прохода, вытирая руки полотенцем. — Только сначала марш умываться и зубы драить! Развели тут анархию и антисанитарию.

Вот это поворот. Но вместо того, чтобы взбунтоваться и поставить обнаглевшего товарища на место, я молча и безропотно побрел в сторону санузла.

— И кстати! — победно донеслось мне вдогонку. — Завтрак, обед и ужин теперь подаются в гостиной за большим столом! Так Танюша решила. Не благодари, шеф, просто смирись!

Ну знаете, это уже натуральный рейдерский захват власти в отдельно взятой усадьбе! Первым порывом было рявкнуть на самоуправцев и выставить обоих за порог на мороз, но замаячившая перспектива регулярно трескать горячую до-

машнюю стряпню быстро свернула мою начальственную гордыню в трубочку. Да хоть на чердаке на коленке подавайте, лишь бы самому у сковородок не корячиться.

Спорить из-за тарелки горячего сала было выше моих сил. Я доковылял до санузла, плеснул ледяной водой из крана в морду, яростно потер щеки куском ядреного мыла.

В гостиной и правда случился переворот.

Пепел у камина выметен под чистую. Плед на диване сложен уголком к уголку. А мои засаленные вчерашние носки и теплая кофта, с вечера брошенные в угол на пол, обнаружились аккуратной стопкой на спинке стула. Появилась женщина - и холостяцкая берлога за два часа дала трещину.

Я опустился в кресло. Таня как раз занесла тяжелый эмалированный поднос: горка обжаренного белого хлеба с колбасой, тарелка с солеными огурцами и две большие кружки с крепким чаем.

— Шурик, — я откусил хрустящий ломоть, прищурившись на напарника. — А наши вчерашние пассажиры в соседском недострое еще ласты не склеили?

— С чего бы им склеить, — хмыкнул Саня, набивая рот колбасой. — Сидят в бетонном погребе, как мыши под веником. Руки стянуты, глаза шарфом перемотал, чтоб планировку не срисовали. Воды я им с утра полторашку сунул. Мычат, жить хотят.

— И что дальше? — Таня замерла с чайником в руках, глядя на нас обоих. — Что с ними будет?

— Что будет, — Саня пожал плечами, и лицо его в секунду огрубело, потеряв всю клоунаду. — Вывести в овраг за сараями да пустить по девять граммов в затылок. Земля чище станет.

Таня с грохотом поставила чайник на деревянную подставку, побледнев до синевы:

— Саша! Ты с ума сошел?! Они же живые люди!

— Люди?! — Шурик даже не повысил голос, но от его тона повеяло могильным сквозняком. — Ты сама вчера от этих «людей» по кустам на карачках ползла! Напомнить, что они орали, пока за тобой по сугробам гнали? Или сама сообразишь, где бы тебя сейчас закапывали, если б мы колесами забор не снесли? Нашла кого жалеть!

— Все равно… нельзя так! — она повернулась ко мне, сжимая кулаки. — Федор, скажи ему! Мы же не звери!

— А ну цыц! Оба! — рявкнул я так, что на столе звякнули ложки. — Базар прекратили.

Фантик под лавкой испуганно прижал уши.

— Саня, хотел бы к стенке ставить - надо было там, в сквере валить, пока горячие лежали. А приволок на базу - изволь голову включать, а не палец на спуске чесать. Таня, сопли утри. Палачей тут нет, но и санаторий для ублюдков открывать никто не нанимался.

Я встал, подошел к настенному шкафчику, достал вчерашний недопитый коньяк и плеснул щедрую порцию себе в чашку, проигнорировав укоризненный Танин взгляд. Горя-

чая горечь обожгла горло.

— Значит, слушай мой расклад, — сказал я, возвращаясь за стол. — Кормить дармоедов нечем и незачем. Отпустить просто так - через три часа приведут сюда всю свою свору с ломами. Сейчас идем в подвал и трясем из них всё до последней капли: кто такие, сколько их в городе, где схроны. А дальше решим. Таня - дверь на засов, из дома ни ногой. Фантик, охранять!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.